Сергей
ЗВЕРЕВ

ПЕРВАЯ ПУЛЯ – моя

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Иванович Зверев
Первая пуля – моя

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162210
Первая пуля – моя: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-008693-8

Аннотация

С тех пор как Тоня Панкратова стала телохранителем бизнесмена Заславского, жизнь ее превратилась в скачки с препятствиями: впереди непредсказуемые повороты, за спиной дыхание убийцы и свист пуль. И все из-за информации, попавшей к ней в руки. Если бы не случайно подвернувшийся союзник – врач Олег Морозов, Тоню давно бы ликвидировали подручные полковника-оборотня из ФСБ Большакова. А пока она еще в центре схватки и только удивляется странному врачу, который умеет не только лечить, но и мочить…

Содержание

Часть I 4
Глава 1 4
Глава 2 35
Глава 3 49
Глава 4 75
Глава 5 109
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Сергей Зверев
Первая пуля – моя

Часть I

Глава 1

Это убийство Седой готовил больше трех недель. Одному богу известно, сколько раз у него возникало желание отказаться от этого опасного заказа. Удерживало одно – двадцать пять тысяч «зелененьких», пять из которых он получил авансом. Да, деньги ему нужны были позарез.

Он посмотрел на часы и мысленно скомандовал: «Пора». Перебросив через плечо объемистую сумку, неторопливо выбрался из машины – потрепанного «жигуленка», угнанного из гаража-«ракушки» несколько часов назад. Он был уверен, что владелец не хватится своей тачки раньше следующего месяца, поэтому спокойно оставил ее на видном месте. Закурил сигарету, огляделся и решительным шагом пересек двор. Его худощавое, изрезанное глубокими морщинами лицо скрывал длинный козырек модной кепки. Спортивная куртка с надписью «Мичиган» и темно-синие джинсы делали его моложе. Впрочем, он никогда не выглядел на

свои сорок пять. Он был сухощав и подтянут и походил на тренера юношеской сборной по легкой атлетике.

За несколько минут Седой достиг нужного дома – пятиэтажной «сталинки». Вошел в подъезд и принялся неторопливо подниматься по ступенькам. Миновал один лестничный пролет, затем второй. На третьем этаже остановился передохнуть. Закрыл глаза, прислонился к давно не крашенной стенке, прислушался. Сердце почти не сбилось с ритма, а вот в правом подреберье неприятно заныло. Словно кто-то невидимый медленно, с садистским наслаждением стал копаться в его утробе. Отработанным движением Седой сунул руку в карман и вытащил упаковку таблеток. Положил одну в рот и затаил дыхание. Через минуту боль притупилась, а затем и вовсе отошла. Он вздохнул с облегчением. Эта тупая ноющая боль в правом подреберье вконец измотала его, сделала почти психом – на протяжении нескольких месяцев он не мог думать ни о чем другом, кроме как о своей болезни.

«Главное, чтобы не скрутило в самый ответственный момент, – подумал Седой, кладя упаковку в карман. – Иначе труба…»

О том, что у него рак, Седой узнал случайно, попав в больницу с приступом острого аппендицита. Оказалось, причина саднящей боли кроется не в воспалении червеобразного отростка слепой кишки. Тут было кое-что пострашнее… Как ни странно, Седой воспринял эту новость философски. Кому-то же надо пополнять статистику смертности от рака. А

он, бывший олимпийский чемпион, волей судьбы переквалифицировавшийся в киллера, – вполне подходящая кандидатура. За три месяца Седой почти смирился с мыслью, что его болезнь неизлечима. Но покидать этот бренный мир, не побывав в Париже, не полюбовавшись Пизанской башней и красотами Ватикана, было чертовски обидно. Увы, отправляться в путешествие по Европе с пятью тысячами баксов (как раз столько лежало у него в загашнике) было смешно. Именно поэтому Седой и взялся за этот заказ.

А заказ был «убойный» – бизнесмен Дмитрий Заславский, баллотирующийся на пост губернатора Московской области. Ничего не скажешь, птица крупного полета. Его убийство на тормозах не спустишь – не тот масштаб. В тот самый момент, когда маленький кусочек свинца протаранит Димину голову, Седого объявят «персоной нон грата». Ладно, если только эфэсбэшники. Уйти от них не так сложно, как может показаться несведущему человеку. Главное, чисто сработать, и тебя будут искать до второго пришествия. А вот кого Седой опасался всерьез, так это заказчиков. Те – ребята покруче, шутить не любят, и если он допустит хотя бы одну оплошность, не видать ему кровно заработанных бабок как своих ушей…

А ведь еще неделю назад Седой был уверен, что аванс придется вернуть. Трудный оказался клиент, ох какой трудный. К квартире не подступиться ни под каким предлогом – суперсовременная сигнализация плюс круглосуточная охрана.

В офисе – то же самое, если не круче. Клиента стерегли профессионалы и при малейшей опасности поднимали жуткий переполох. Оставалось одно – воспользоваться снайперской винтовкой. Для того, чтобы разработать план операции, Седому понадобилась еще неделя. Все эти дни, вооружившись миниатюрной видеокамерой, он бесстрастно фиксировал передвижения клиента, чтобы потом, просмотрев видеозаписи в спокойной обстановке, отыскать слабое место в его охране. Как оказалось, клиент строго придерживался распорядка дня только в двух случаях: уезжал на работу в семь тридцать, возвращался в пять сорок пять. Его жена, статная рыжеволосая женщина, приезжала домой чуть позже – в начале седьмого. Но она интересовала Седого меньше всего, хотя, любуясь нежным личиком мадам Заславской, он искренне недоумевал – и как этому недоноску удалось отхватить такую красавицу? Сам Седой никогда не был женат, хотя по молодости едва не вляпался в одну неприятную историю: девушка, с которой он встречался, вдруг объявила ему о своей беременности. Пришлось спешно «делать ноги». С тех пор он старался быть предельно аккуратным в интимных отношениях с женщинами – та давняя история многому его научила…

Тщательно изучая видеозаписи, Седой заметил одну закономерность в поведении телохранителей – они теряли свою обычную бдительность в тот самый момент, когда Заславский возвращался домой. Это было неудивительно – их сме-

на заканчивалась через пятнадцать минут, и парням было явно не до прикрытия хозяина. Они только и делали, что поглядывали на часы, и лишь изредка по сторонам.

«Значит, буду убирать его без пятнадцати шесть», – решил Седой. Оставалось найти место, откуда нужный подъезд хорошо просматривался. Увы, таких мест оказалось раз-два, и обчелся – крыша близлежащего дома да чердак. И вот тут судьба подкинула ему счастливый билетик. Он как раз осматривал чердак двадцать пятого дома, когда услышал разговор двух старушек. Как оказалось, в восемнадцатой квартире, расположенной на пятом этаже, уже полгода никто не живет. Хозяйка умерла давно, хозяин – недавно, а сын после похорон отца уехал за границу. Подобрать ключи не составило большого труда – замок был стандартный. А квартира оказалась настоящим подарком фортуны – из окна спальни прекрасно просматривался подъезд, в котором находилась квартира Заславского…

Поднявшись на последний этаж, Седой снял с плеча сумку. Достал из кармана ключи, сунул один из них в замочную скважину, повернул до упора и потянул дверь на себя. Та с легким скрипом открылась. И хотя он был уверен, что в квартире никого нет, на всякий случай снял пистолет с предохранителя. В темной прихожей пахло застарелым табаком и пылью. Захлопнув дверь, Седой поставил сумку на пол. Натянул на руки тонкие нитяные перчатки и лишь после этого расстегнул «молнию». Вытащив из сумки тапочки,

переобулся, чтобы не оставлять следов.

Нужная ему комната находилась в дальнем конце коридора. Мебель в ней была старой, но добротной – деревянная кровать, полированный шкаф, купленный в начале семидесятых, кресло-качалка. Давно не чищенный паркет покрывал полинялый ковер. Здесь было мрачно и тоскливо, повсюду царило запустение. Единственное светлое пятно – фотография на стене. Отец, мать и сын – счастливая семейка, снявшаяся на фоне первомайской демонстрации. Улыбки до ушей, в руках флажки и шарики. Эта фотография навевала на Седого ностальгические воспоминания юности.

Он подошел к окну, отодвинул штору. Подъезд отлично просматривался. Удовлетворенно хмыкнув, Седой принялся распаковывать сумку. Постелив на пол кусок целлофана, разложил на нем все части снайперской винтовки фирмы «Маузер», лазерный дальномер и оптический прицел. Он собирал винтовку неспешно, скупыми отработанными движениями.

Положив винтовку на подоконник, Седой опустился в кресло-качалку и закрыл глаза. До возвращения клиента домой оставалась куча времени, и надо было себя чем-то занять.

* * *

– Вы с Дмитрием Сергеевичем вместе уже восемь лет. По-

делитесь секретом вашего долгого и счастливого брака…

Людмила Заславская пленительно улыбнулась, отыскивая взглядом журналиста, задавшего этот вопрос. Ответ был заготовлен заранее и даже отрепетирован перед зеркалом, поэтому она нисколько не волновалась. Когда Людмила того хотела, то могла убедить в своей искренности любого собеседника. А сейчас она чувствовала вдохновение. Она была уверена, что со стороны выглядит великолепно – очаровательная бизнес-леди в строгом деловом костюме, умело подчеркивающем женственность; золотистые волосы убраны в классическую прическу. Несколько пушистых прядок, выбившихся из прически как бы случайно, обрамляли ее маленькую головку на манер нимба и придавали выработанному годами имиджу в меру фривольный вид.

Еще раз улыбнувшись прямо в глазок видеокамеры, Людмила открыла рот, собираясь выдать целую речь на тему прочности браков по расчету, как вдруг побледнела – на нее в упор смотрел Олег Морозов. Она не видела его долгих восемь лет и с удовольствием вычеркнула бы из своей памяти. Людмила зажмурилась и замотала головой, пытаясь отогнать от себя это наваждение. Открыла глаза, но Олег, увы, никуда не исчез. Стоял на расстоянии вытянутой руки и смотрел на нее насмешливо, словно спрашивал: «Ну как ты поживаешь, дорогая Люсинда?»

Как ни странно, за эти годы он почти не изменился – остался таким же поджарым и бледнолицым, только вот

некогда черные как смоль волосы на висках отливали серебром. За долгие восемь лет он не изменил своему юношескому имиджу: на щеках и подбородке – трехдневная щетина; одет небрежно – вязаный свитер, потертые джинсы. Только кроссовки новенькие, словно только что из магазина.

«Господи, он жив! Значит, вести о его смерти не более чем слухи… Но куда, черт побери, смотрела охрана? Сюда ведь пускают только журналистов! – Людмила растерянно огляделась, ища глазами кого-нибудь из службы безопасности „Гранд-отеля“. – Но что охранники могут сделать? – подумалось вдруг. – Олег ведет себя вполне прилично… Проверить документы? А если они у него в полном порядке?.. Он ведь запросто мог достать аккредитацию в каком-нибудь медицинском журнале…»

Наверное, впервые в жизни она не знала, что предпринять. А Олег Морозов, невозмутимо-спокойный, откровенно наслаждался ее растерянностью. Затем резко развернулся и, с трудом проталкиваясь сквозь толпу репортеров, направился к выходу. Людмила вздохнула с облегчением лишь тогда, когда потеряла его из виду. Но импровизированная пресс-конференция была провалена. Она чувствовала это. И с ужасом думала о том, что в сегодняшних новостях ее обязательно покажут крупным планом – подавленную и растерянную. Журналисты, конечно, преподнесут это как сенсацию. Еще бы, жена одного из самых известных бизнесменов страны не смогла ответить на столь примитивный вопрос.

Может, счастливая семейная жизнь Заславских – только видимость? А на самом деле они живут как кошка с собакой?

«От моей ошибки рейтинг Дмитрия не пострадает, – попыталась успокоить она себя. – Он все равно станет губернатором, потому что всегда добивается своей цели».

Однако настроение было испорчено. Людмила с трудом выдавила пару банальных фраз, заставила себя ответить еще на несколько вопросов, затем категорично заявила:

– Извините, но мне пора!

На ватных ногах проследовала за телохранителями к черному выходу, ловя себя на том, что избегает смотреть по сторонам – боится вновь увидеть Олега.

Стряхнуть оцепенение ей удалось только в салоне машины. Здесь был совершенно другой мир – мягкие кожаные кресла, тихая классическая музыка, запах дорогих ментоловых сигарет. Никакой суеты и нервозности.

– В офис! И побыстрее! – скомандовала Людмила и в изнеможении откинулась на спинку сиденья.

Обычно быстрая езда ее успокаивала, но только не сегодня. В горле стоял комок, на глаза навернулись слезы. Людмила нервно распечатала пачку «Вог», закурила. Сделав несколько затяжек, потушила сигарету о край пепельницы. Давно она не чувствовала себя столь неуверенно. Она, которую подчиненные за глаза называли «железной леди» и которую откровенно побаивались партнеры по бизнесу!

«Так продолжаться не может, – подумала она и вздохну-

ла. – Если я встречу его еще раз, то сойду с ума. А если он начнет выяснять отношения, могу и сорваться… Надо позвонить Диме и все ему рассказать… Тем более что для этого есть веский повод!» Со свойственной ей решительностью Людмила вытащила из сумочки сотовый телефон, но, поразмыслив несколько секунд, сунула его назад. Сейчас Диме не до нее. Он занят предвыборной кампанией, и она со своими мелкими проблемами будет ему только мешать.

«В конце концов, у каждого из нас свой скелет в шкафу, – Людмила грустно улыбнулась. – А насчет Морозова я, наверное, сгущаю краски. Что он может мне сделать?.. Убить? Это смешно – меня охраняют лучшие из лучших. Причинить вред Диме тоже не в его силах. Кто такой Морозов в сравнении с ним? Амбициозный неудачник!»

В конце концов Людмиле удалось взять себя в руки и успокоиться. По крайней мере внешне. Но где-то в самом потайном уголке души поселился страх. Страх за свою жизнь, за свое будущее. Она прекрасно помнила фразу, сказанную Олегом Морозовым много лет назад: «Если ты променяешь меня на этого мудака, ты пожалеешь…» Тогда она только рассмеялась в ответ. Ей нравилось, когда он ее ревновал.

* * *

Седой посмотрел на часы. Шестнадцать тридцать. Через час и пятнадцать минут у подъезда появится черный «ше-

стисотый» «Мерседес». Он тяжело поднялся с кресла и подошел к окну. Во дворе играли дети.

Его вдруг охватило глухое отчаяние, и он впервые заколебался – а если обычное везение на этот раз изменит ему? Охранники, коли они не полные остолопы, сразу просекут, откуда сделан выстрел. Чтобы смыться, достаточно десяти минут. Но нет никаких гарантий, что эти десять минут у него будут.

«О чем ты думаешь, идиот? – осадил он себя. – Какие, к черту, десять минут, если жить тебе осталось самое большое – полгода…» И как бы в унисон его мыслям резко заныло в правом подреберье. Он с трудом удержался от соблазна принять еще одну таблетку, понимая, что лучше сделать это минут за пять до приезда Заславского.

Чтобы отвлечься, Седой взял винтовку и, заняв боевую позицию, навел оптический прицел на подъезд. Сквозь увеличительное стекло прекрасно просматривались не только сама дверь, но и трещинки на деревянной панели. С такой техникой поразить цель сможет даже непрофессионал, который и винтовку в руках не держал. Что уж говорить о нем, опытном снайпере.

«Примерно через час в эту дверь должен войти господин Заславский… Если все пойдет по плану, через шестьдесят минут его круглая голова расколется, как грецкий орех, а я буду еще на один шаг ближе к своей заветной цели! Париж, Лувр, Ватикан… – Седой мечтательно улыбнулся и тут же

оборвал себя: – Ладно загадывать! Говорят, плохая примета».

Он переместил прицел повыше – на уровень второго этажа. Где-то здесь должны быть окна квартиры Заславских. Так и есть – три темно-коричневых стеклопакета. В одном их них жалюзи были закрыты не до конца. Седой подрегулировал резкость, и его взору открылась шикарная спальня в старинном стиле. Большую часть пространства занимала широкая двуспальная кровать с балдахином. В глубине комнаты переливалось бликами огромное зеркало. Все было дорогим, роскошным и сделанным явно на заказ.

«Н-да, для своего комфорта они бабок не жалеют», – констатировал он вполне равнодушно. Осматривая апартаменты Заславских, он не испытывал чувства зависти. Иметь много бабок, конечно, хорошо, но есть вещи, которые за деньги не купишь. К примеру, спокойствие. Или искреннюю любовь и дружбу.

Седой с удовольствием пофилософствовал бы на эту тему (неплохое занятие, чтобы скоротать время), но в этот момент в спальню вошли двое – молодая женщина в красном платье и невысокий мужчина в халате. Женщина подошла к зеркалу и, поправляя волосы, что-то сказала. Мужчина опустился на край кровати. Из-за балдахина его лицо оказалось в тени, и Седой навел резкость:

«Похоже, это Заславский. Но как ему удалось прошмыгнуть мимо меня?.. В такое время он обычно протирает шта-

ны у себя в офисе…»

Пока Седой прикидывал, что ему делать, мужчина и женщина продолжали беседовать. О чем, он мог только догадываться. Эти двое не были похожи на пылких любовников. Скорее на деловых партнеров. Впрочем, деловые переговоры редко ведутся в спальне. И хозяин вряд ли станет встречать такую гостью в махровом халате…

Тем временем женщина достала из сумочки пачку сигарет и закурила. Мужчина подошел к ней и попытался обнять. Женщина резко отшатнулась и бросила через плечо пару фраз. Сквозь оптический прицел Седому было хорошо видно, как исказилось лицо мужчины. Но через секунду тот взял себя в руки и ухмыльнулся. Седой похолодел при виде этой ухмылки, больше похожей на оскал хищника. Мужчина что-то сказал, а затем, размахнувшись, залепил женщине пощечину. Удар отбросил ее на кровать. Верхняя губа вспухла, по подбородку потекла тонкая струйка крови. Мужчина подскочил к лежащей женщине и ударил еще раз – кулаком в грудь. При виде этой безобразной сцены Седого охватило дурное предчувствие.

– Черт побери, что там происходит? – прошептал, вытирая ладонью выступившую на лбу испарину.

Он лишь на миг оторвался от прицела, а когда прильнул вновь, увидел, что мужчина уже сидит верхом на женщине, а его руки сжимают ее горло. Глаза несчастной вылезли из орбит, лицо посинело. Она попыталась вырваться, но силы бы-

ли неравны – мужчина навалился на нее всем телом. Седой почувствовал, как у него участилось дыхание. На его глазах убивали женщину, и он ничем не мог помочь. От бессилия он сжал кулаки. Но что он мог сделать? Разве что…

Привычным движением он передернул затвор, но в этот момент его внутренности обожгла острая боль. Седой застонал и схватился за живот, винтовка с грохотом упала на пол. С каждым мгновением боль нарастала и в конце концов стала невыносимой. Перед глазами образовался плотный туман, в ушах зазвенело. Седой попытался вытащить из кармана таблетки, но не успел – какая-то неведомая сила стремительно уносила его в бездонный круговорот…

* * *

– Прошу вас, Людмила Марковна! – Охранник, разбитной двадцатичетырехлетний парень с едва заметным шрамом над верхней губой, услужливо открыл дверцу и отступил на шаг в сторону.

Людмила царственным жестом поправила волосы, сунула под мышку сумочку и… в этот момент, как назло, зазвонил ее сотовый. Она терпеть не могла разговаривать на ходу, поэтому, сделав охраннику знак, дескать, подожди минуту, ответила на звонок:

– Слушаю!

– Люда, ты? – Сдавленный голос, доносившийся из труб-

ки, она узнала не сразу. Лишь через пару секунд поняла, что звонит муж. Вопреки обыкновению, Дима говорил торопливо, проглатывая слова: – Ты где?.. В офисе? Немедленно приезжай домой, слышишь?

– А что, собственно, произошло? – уточнила невозмутимо. – У меня, между прочим, совещание.

– К черту совещание. Ты мне нужна. У нас проблемы.

Людмила озадаченно нахмурилась: неужели сорванная по ее вине пресс-конференция уже пошла в эфир? Но разве стоило из-за этого устраивать такую панику?

– Если ты по поводу пресс-конференции…

– При чем тут конференция?.. У нас проблемы! Проб-лемы! – Голос сорвался, и Дима тяжело задышал.

Стараясь не выдать своего волнения, Людмила украдкой посмотрела на охранника. Тот торопливо отвел глаза и сделал вид, что осматривает близлежащую территорию. Наверняка подслушивал, гад.

– Буду через пятнадцать минут! – Людмила прервала связь, сунула сотовый в сумочку и властно приказала охраннику: – Едем домой.

Тот, ни говоря ни слова, сел в машину и завел мотор. «Мерседес» плавно двинулся с места, и Людмила, достав из сумочки пачку сигарет, закурила. Ее мозг напряженно работал, пытаясь найти ответ на вопрос: что произошло с Димой? Когда они виделись в последний раз – за завтраком, муж был весел и безмятежен. Шутил, много смеялся. Затем

уехал на работу, пообещав вернуться пораньше. Вернулся – и вот такое у него настроение, словно похоронил лучшего друга. Может, пока она прохлаждалась на конференции, на Диму было совершено покушение? В таком случае, почему он не сказал об этом по телефону?

«Хватит строить догадки. Приедешь и все узнаешь», – оборвала она себя и посмотрела в окно. «Мерседес» как раз въезжал в арку, граничащую с их домом. Охранник плавно притормозил у подъезда, заглушил мотор и, вытащив ключи, взялся за ручку дверцы.

– Я поднимусь одна, – предупредила Людмила. – Ты подождешь в машине.

– Я должен довести вас до квартиры, – заупрямился тот.

– Я сказала: подождешь здесь. Иначе – уволю.

На столь веский аргумент охранник не нашелся, что сказать. Молча пожал плечами, дескать, воля ваша. Людмила выскользнула из салона и огляделась, отыскивая взглядом Димин «Мерседес». Странно, но на обычном месте машины не было.

Она озадаченно нахмурилась и решительно зашагала к подъезду. Набрав код, потянула дверь на себя и переступила порог. В подъезде было прохладно и пахло сыростью. Запах, знакомый с детства. Как, впрочем, и каждая ступенька, каждая трещинка в отполированных перилах. Девчонкой она любила съезжать по ним. Однажды, зацепившись за какой-то гвоздь, разодрала новое платье, за что, конечно же,

получила нагоняй от бабушки…

Людмила медленно поднялась на второй этаж и остановилась перед дверью собственной четырехкомнатной квартиры. Когда-то здесь жили ее бабушка и дедушка, и на двери висела табличка – «Профессор медицины Малахов В. М.». Теперь таблички не было – ни Дима, ни она сама к медицине не имели никакого отношения. Да и дверь была совсем другая – металлическая, обитая кожей, с оптическим «глазком». Сигнализация – отключена. Значит, муж и вправду дома. Людмила достала из сумочки ключи, но не успела воспользоваться ими, как дверь распахнулась. На пороге стоял Дима – бледный как полотно. Он схватил ее за рукав и почти силой затащил в прихожую. Затем выглянул на площадку, воровато осмотрелся. Убедившись, что там пусто, захлопнул дверь и трясущимися руками принялся закрывать многочисленные замки.

– Что случилось?

Дима медленно повернулся к ней. Его лицо свела судорога страха. Он попытался что-то сказать, но с его губ сорвались лишь булькающие звуки.

– Ты можешь толком объяснить, в чем дело? – Людмила чуть повысила голос. – На тебя покушались?

– Нет…

– Тогда что?

– Сама посмотри… В спальне… – прохрипел Дима и стремглав бросился на кухню. Хлопнула дверь, задребезжа-

ло стекло, и наступила мертвая тишина.

Недоуменно пожав плечами, Людмила направилась к спальне. Распахнула дверь и… охнула от изумления. На кровати (их кровати!), широко раскинув руки, лежала Анечка – их домработница. Людмила узнала ее по собственному ярко-красному платью, которое подарила ей на прошлой неделе. В остальном же Анечка ничем не напоминала саму себя – юную и жизнерадостную хохотушку. Может, оттого, что ее глаза – обычно бойкие и выразительные – неподвижно смотрели в одну точку. Да и цвет лица был уж слишком неестественным – багрово-лиловым. На длинной обнаженной шее темнели синяки и ссадины.

Несколько минут Людмила не могла заставить себя уйти – бездыханное тело домработницы притягивало ее, как магнит. Хотелось подойти к Анечке, пощупать пульс – а вдруг (чем черт не шутит!) она еще жива? Людмиле даже показалось, что Анечка дышит. Но это был обман зрения, не более. Пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы стряхнуть с себя это наваждение. И сразу в голове сложилась наиболее правдоподобная версия случившегося:

«Похоже, нас обокрали… Бедная Анечка оказалась дома, и ее убили как нежелательного свидетеля… Господи, куда катится этот мир?» Людмила повернулась к двери, и тут ее взгляд уцепился за что-то яркое и блестящее, лежащее на комоде. Она не поверила своим глазам – бриллиантовое колье (Димин свадебный подарок), опрометчиво оставленное

ею на самом виду, оказалось нетронутым.

«Неужели грабители его не заметили?» – растерянно подумала Людмила и огляделась. Только сейчас она обнаружила, что в спальне почти идеальный порядок: шкаф закрыт, ящики комода не выдвинуты, на ковре никаких грязных следов. Только покрывало измято да подушки чуть взбиты.

Людмила подошла к шкафу и открыла его. Норковое манто и лисья шуба – самые ценные вещи из ее гардероба – висели на месте. Нетронутым оказался и встроенный в стену сейф, в котором Людмила держала свои драгоценности, а Дима – наличные.

«Либо грабителей кто-то вспугнул, либо никакого ограбления не было!»

– Дима! – позвала она громко и тут же поняла, что муж вряд ли решится войти в спальню. Наверняка он уже побывал здесь и скорее всего пришел к таким же выводам. Но если ограбления не было, кто убил Аню? И почему?

Людмила выскочила из спальни и, плотно прикрыв за собой дверь, привалилась к косяку. У нее дрожали ноги. Голова пухла от бредовых домыслов. Она не могла понять, почему муж, обнаружив труп, вместо того чтобы вызвать милицию, позвонил ей и попросил немедленно приехать. Растерялся? Похоже на то. И прежде, чем предпринимать конкретные шаги, решил с ней посоветоваться. Но какие, к черту, советы, когда Аня умерла и искать ее убийц надо по горячим следам?

Дверь кухни резко распахнулась. В проеме стоял Дима и хлестал дорогой марочный коньяк прямо из горла. Людмила по привычке поморщилась – она терпеть не могла, когда муж напивался раньше шести вечера. Тем более таким варварским способом. Однако устраивать разборки было глупо – причина, чтобы напиться до чертиков, на этот раз была убедительной.

– Ну как, впечатляет? – спросил Дима, вытирая мокрые губы. Спиртное, похоже, пошло ему на пользу – лицо порозовело, в глазах появился живой блеск. – Хорошенький подарочек к выборам, а?

Людмиле вдруг стало неприятно: пару минут назад трясся как осиновый лист, а теперь отпускает неуместные шуточки.

– Когда ты вернулся домой?

– Полчаса назад. Заглянул в спальню, а она лежит на нашей кровати… Вначале думал – уснула, подошел поближе и… – Оборвав фразу на полуслове, Дима сделал глоток.

– Значит, ты вернулся домой, заглянул в спальню и увидел на кровати труп собственной домработницы?.. – Людмила посмотрела на дверь, за которой лежала Аня. И неожиданно для самой себя спросила: – Почему ты вернулся домой так рано?

– Что?.. Ах, да! Устал как собака. Решил немного отдохнуть.

– А где твоя машина? Я не видела ее у подъезда.

– Машину я отпустил! – Дима нервно облизнул губы.

– Сигнализация была включена?

– Что?

– Когда ты открывал дверь, то отключал сигнализацию? – терпеливо повторила Людмила.

– Конечно, отключал.

– Похоже, грабители ничего не взяли. Сейф закрыт, мои вещи на месте… – Людмила открыла сумочку и достала сотовый.

На Димином лице, расслабленном алкоголем, вновь появилось напряжение.

– Ты куда собираешься звонить?

– В милицию.

– С ума сошла! – Он силой вырвал из рук Людмилы телефон и зашипел ей прямо в лицо: – Если ты вызовешь милицию, через полчаса здесь будет не продохнуть от журналистов. Мои конкуренты только и ждут, когда я споткнусь. Ты представляешь, как это скажется на моем рейтинге? А выборы, между прочим, через неделю!

Несмотря на весь ужас происходящего, Людмила с трудом удержалась от саркастической усмешки.

– И что ты предлагаешь? Оставить ее здесь до выборов?

– Пока не знаю… Но звонить в милицию нельзя!

– Почему?

Дима многозначительно усмехнулся.

– Если даже ты догадалась, что Аню убили не из-за пары побрякушек, то менты это просекут сразу. И сразу возникнет

вопрос: где искать главного подозреваемого? А искать его и не надо. Эта вакансия как раз для меня.

– Что ты несешь? При чем здесь ты?

– А при том, что мой главный конкурент на выборах – генерал Юмашев – свояк нашего мэра. А мэру, да будет тебе известно, подчиняются все городские власти. В том числе и менты. Я знаю, они давно пытаются найти на меня компромат. Сделать это трудно, вот они и решили меня подставить…

Людмила молча пожала плечами. Крыть было нечем: во время выборов вовсю процветали грязные технологии. К тому же Дима никогда не ошибался в своих прогнозах. В большей или меньшей степени, но его предположения сбывались. Что ему помогало – звериная интуиция или холодный расчет? А может, и то и другое?.. Однако тот факт, что к тридцати шести годам он сумел стать одним из самых богатых людей страны, говорил сам за себя. И если Дима утверждает, что смерть домработницы может сказаться на результатах выборов, значит, так оно и будет…

– И что нам делать? – спросила она растерянно.

– Единственный выход – позвонить Стасу. Он поможет.

Стаса Большакова, бывшего Диминого однокурсника, а теперь руководителя одного из секретных отделов ФСБ, Людмила недолюбливала. Они встречались всего дважды, и во время этих коротких встреч перекинулись разве что парой фраз. Стас держался непринужденно, как и подобает ста-

рому другу, – шутил, смеялся, но при этом его светло-серые глаза оставались бесстрастными. Людмила чувствовала: этот человек опасен. Но скажи она об этом Диме, тот поднял бы ее на смех. Он никогда не доверял женской интуиции и в своих действиях чаще всего руководствовался правилом: «Выслушай женщину и сделай все наоборот».

Именно поэтому Людмила не стала уговаривать мужа не втягивать в это дело Стаса. Лишь спросила:

– Но почему Большаков?

– Он – мой должник и сделает все, чтобы помочь избавиться от трупа.

Сердце забилось с пугающей быстротой – словно у нее в груди была маленькая мина.

– От трупа?

– Да. Стас – дока в этом вопросе. Чего проще – вывезти ее отсюда и закопать где-нибудь в лесу. Аня, кажется, сирота. Родители давно умерли, сестра живет за границей. Уверен, ее никто не хватится… Представляешь, как растеряется Юмашев, если все пойдет не по его сценарию?

Людмила смотрела на мужа расширенными от ужаса глазами. Неужели это он, ее Дима, человек, с которым она прожила восемь лет, мог додуматься до такого чудовищного плана! Неужели он хочет похоронить Аню в лесу? И сделать все, чтобы это преступление никогда не было раскрыто? И все ради победы на выборах?!

«О господи… Что на него нашло? Похоже, это шок. Са-

мый настоящий шок. Он не ведает, что творит». Людмила схватила мужа за руки и, заглядывая в глаза, прошептала:

– Милый, не надо этого делать, не надо… Ты же всю жизнь будешь себя корить. Разве место губернатора того стоит?

Но Дима уже принял решение, и уговоры Людмилы вызвали у него лишь досаду. Он не любил, когда ему перечили.

– Ни слова больше! – заявил он категоричным тоном. – Займись лучше делом – отпусти своего охранника. Стас сейчас приедет, и я не хочу, чтобы он его видел. И не забудь позвонить в офис, отменить совещание. – Он сунул ей в руки сотовый и решительным шагом двинулся в гостиную.

Людмиле показалось, что сейчас она упадет в обморок. Свалится прямо здесь, в прихожей, на начищенный до блеска паркет. Однако муж говорил разумные вещи – от любопытного охранника в самом деле надо было избавиться. И, желательно, навсегда.

Она набрала номер мобильного телефона охранника и, когда тот ответил на звонок, сухо приказала:

– На сегодня ты свободен. – И отключила связь. Вдаваться в долгие объяснения у нее не было времени. Да и желания. Тут бы самой во всем разобраться.

«Дима что-то от меня скрывает, – эта фраза жужжала в голове, как назойливая муха. – Если бы я знала его чуть поменьше, то решила бы, что это он убил Анечку… Но зачем ему ее убивать? Да еще таким варварским способом. Она проработала у нас всего три месяца. Рекомендации у нее бы-

ли отличные… Возможно, ее подослали к нам конкуренты, а Дима узнал об этом и… Нет, он не мог. Будь я на его месте, я бы наняла человека со стороны. Или постаралась бы перекупить Аню… – Людмила горько усмехнулась. – Господи, какая же я стерва, если думаю об этом! Выходит, я ничем не лучше Димы. Вспомнить хотя бы Олега Морозова. Я поступила с ним как законченная дрянь… Сломала человеку жизнь и после этого целых восемь лет о нем не вспоминала…»

* * *

Седой открыл глаза. Первое, что он увидел, – ряд давно не крашенных батарей. Судорожно облизал пересохшие губы, вслушиваясь в себя. Живот тупо ныл, сердце билось неровными толчками.

«Черт побери, как я здесь оказался?» – подумал он и осторожно повернул голову. Его взгляд уперся в снайперскую винтовку, лежащую рядом с батареей. И вот тут Седой все вспомнил. И женщину в красном, которую убили на его глазах, и мужчину в халате, неуловимо похожего на Заславского, и адскую боль, помешавшую ему исполнить приговор.

Упершись локтями в пол, попытался сесть. Это удалось ему с трудом. Затем, взявшись за подоконник, встал. Вытащил из кармана таблетки, сунул в рот сразу две и принялся перемалывать их зубами.

«Сейчас должно полегчать, – мысленно успокаивал он себя. – И тогда я решу, что делать дальше». Но прошла минута, другая, а боль никак не хотела отступать. И Седой понял, что случилось то, что рано или поздно должно было случиться: ему нужно сделать укол морфия.

Увы, ни ампулы, ни шприца у него не было. А достать это лекарство можно было либо по рецепту врача, либо купить на Тверской – у драгдилеров. И тот, и другой вариант в данный момент отпадали. Оставалось одно – сжать зубы и терпеть.

Седой рухнул в кресло и, пододвинув его к самому подоконнику, потянулся за винтовкой. И хотя больше всего на свете ему хотелось прилечь, он понимал, что не имеет права расслабляться. Чувство долга победило и на этот раз…

Пальцы дрожали, на лбу выступила испарина. Прильнув к оптическому прицелу, он с трудом навел его на окна Заславского. Жалюзи были все еще приоткрыты. Седой увеличил резкость и… на какое-то мгновение забыл о боли – кровать, на которой совсем недавно лежала девушка в красном, оказалась пуста.

«Может, никакого убийства и не было?.. Заславский чуток притиснул ее нежное горлышко, через пару минут девчонка оклемалась и смылась от греха подальше… – Он озадаченно нахмурился. – Но ведь я ясно видел, как его руки сжимали ее шею, как посинело ее лицо, как выкатились глаза…» И все же сомнения (а был ли труп?) не оставляли Се-

дого: как-никак, финальную сцену ему не удалось досмотреть до конца.

В этот момент дверь спальни Заславских распахнулась, и порог переступил мужчина – блондин лет сорока. На телохранителя он явно не тянул – лицо слишком холеное, в глазах – интеллект. Внимательно оглядев комнату, блондин приблизился к окну и резким движением закрыл жалюзи. Седой досадливо поморщился и опустил винтовку – если уж не везет, так не везет во всем!

Смирившись с мыслью, что сегодня – не его день, положил винтовку на подоконник и устало откинулся в кресле. Его не покидало ощущение, что этого холеного блондина он уже встречал раньше. Но когда и где? За последние десять лет перед глазами Седого прошло столько людей, что он, дабы не напрягаться, стал воспринимать их безликой серой массой. И вот теперь перед ним стояла непростая задача – вытащить из своей памяти имя этого человека и припомнить обстоятельства, при которых они встречались.

«Я имел с ним дело в начале девяностых… Стояла глубокая осень. В тот день, кажется, шел дождь. Да, точно, он пришел на встречу в мокром плаще… Помню, что меня здорово удивили его глаза – бездушные и холодные. Он сделал „заказ“ сухо и по-деловому: вручил фотографию клиента, передал аванс. Никаких лирических отступлений, типа трясущихся ладоней и обильной испарины… Черт побери, ведь я тогда едва не прокололся из-за этого подонка! Он же подста-

вил меня, элементарно подставил! И словом не обмолвился, что сутулый пожилой мужичок, которого мне предстояло убрать, возглавляет один из департаментов ФСБ… Меня тогда здорово обложили – едва ноги унес. А потом этот подонок не явился на встречу. Кинул меня на пять тысяч, гад!..»

Тогда Седой не стал выяснять отношения. Особенно после того, как узнал, что сам заказчик тоже работает в ФСБ. Причем в том самом департаменте, который возглавлял убитый генерал. Подумал лишь: «Этот подонок далеко пойдет». И, как видно, не ошибся…

«Кажется, его звали Стас… Да-да, именно так он мне представился!» Вспомнив имя, Седой удовлетворенно улыбнулся и посмотрел на окна Заславского с удвоенным интересом. И, конечно же, ничего не увидел – жалюзи по-прежнему были закрыты. Однако теперь Седой не сомневался, что в этом доме произошло убийство. Иначе какого черта здесь появился Стас? Неужто зашел на чашечку кофе?..

«Кофе он выпьет, но только после того, как поможет Заславскому избавиться от трупа. Что ж, я с удовольствием досмотрю до конца этот спектакль…» Он пододвинул кресло к самому подоконнику и стал ждать. Через минуту ему в голову пришла неплохая идея – заснять на видеокамеру весь процесс. Кто знает, может, когда-нибудь ему понадобится эта запись?

Седой едва успел вытащить из сумки миниатюрную камеру и вставить чистую кассету, как блондин по имени Стас

вновь «нарисовался» на его горизонте. Выйдя из подъезда, он нетерпеливо посмотрел на часы, а затем вытащил из кармана пачку «Мальборо». Сунул в рот сигарету, но прикуривать не торопился – явно кого-то ждал. Буквально через минуту во двор въехала машина – микроавтобус «Мерседес» с надписью «Срочная химчистка». Из салона выскочили двое дюжих молодцов и, переговорив со Стасом, уверенным шагом двинулись к подъезду Заславского. Вернулись парни довольно быстро, но уже с ковром, упакованным в полиэтиленовую пленку, перевязанную шпагатом. Забросили ковер в автобус, запрыгнули туда сами, и машина двинулась с места. Стас тут же встал, выбросил недокуренную сигарету и скрылся в подъезде.

Седой оторвался от камеры и удовлетворенно улыбнулся. Теперь все встало на свои места. События, по-видимому, развивались таким образом: задушив девушку, Заславский запаниковал и решил избавиться от тела; вызвал Стаса, а тот, в свою очередь, пригласил бригаду профессиональных «чистильщиков»; девушку завернули в ковер и скорее всего отправили в крематорий.

«Жаль, что идея со съемкой пришла мне в голову так поздно, – с сожалением подумал Седой. – Сними я сам момент убийства, у меня имелся бы классный компромат на Заславского. И пулю не пришлось бы тратить на этого мерзавца…»

Спрятав камеру в сумку, Седой стал обдумывать свое по-

ложение. Маловероятно, что сегодня ему удастся убрать Заславского. После всего случившегося тот наверняка забился в самый дальний угол своих шикарных апартаментов и пытается заглушить страх коньяком. Да и сам он сегодня не в лучшей форме – каждое движение причиняет неимоверную боль. Ему бы отлежаться в клинике пару недель…

Увы, но на то, чтобы привести себя в рабочее состояние, не оставалось времени. Выборы губернатора через две недели. И за эти четырнадцать дней он должен выполнить заказ, чего бы это ему ни стоило! Таких, как Заславский, нельзя оставлять в живых. Нельзя, чтобы четыре года Московскую область возглавлял убийца. Правда, его конкурент – генерал Юмашев – ничуть не лучше. И хотя заказ на убийство Заславского был сделан через посредников, Седой прекрасно понимал, кто стоит за всем этим.

«Тебя это не должно волновать, – подумал он. – Тебе нужны бабки, и точка. Твоя задача – чисто отработать эти двадцать пять кусков. А там – прощай, немытая Россия… – Он грустно улыбнулся и мысленно приказал самому себе: – Но сейчас ты должен убраться отсюда. И как можно скорее».

Седой встал с кресла и скупыми, размеренными движениями принялся медленно разбирать винтовку.

Минут через десять он, благополучно покинув чужую квартиру, сидел за рулем украденного «жигуленка». Таблетки все же подействовали – боль отошла куда-то вглубь. Несмотря на это, Седой не торопился уезжать. Мысли о пре-

ступлении, которое произошло на его глазах, не давали ему покоя.

«Теперь осталось разузнать, кто такая эта девчонка в красном и какого черта Заславский ее убил?.. – думал он, закуривая сигарету. – В порыве аффекта, или это преступление было заранее спланировано?.. Если заранее, то почему он притащил ее к себе?.. Или она сама пришла, и он просто воспользовался удобным моментом?.. Впрочем, лицом она, кажется, похожа на его домработницу…» Седой закрыл глаза и попытался в уме воссоздать сцену убийства. Многие подробности, как ни странно, уже стерлись из памяти. Все, кроме одной – странной ухмылки Заславского, которая появилась на его лице за минуту до того, как он стал душить девчонку. Казалось, он испытывал кайф от того, что должно было произойти. И это Седому не очень-то нравилось.

«Так улыбаться может только умалишенный… Нет, с этим козлом надо кончать. И чем быстрее, тем лучше. Если его выберут губернатором, я буду чувствовать себя последним мерзавцем…»

Глава 2

Дима оказался прав – Стас Большаков уладил их проблемы за каких-то полчаса: позвонил по телефону, сказал пару незамысловатых фраз, и через пятнадцать минут в квартиру Заславских вошли двое здоровенных мужиков с совершенно непроницаемыми физиономиями. Сам процесс «вывоза трупа» Людмила не видела – Дима отправил ее в соседнюю комнату и приказал не высовываться. И хотя Людмила терпеть не могла, когда ею распоряжались, как бездушной куклой, на этот раз решила не спорить.

Приезд Большакова и меры, которые тот предпринял, подействовали на мужа благотворно: он стал держаться гораздо увереннее. Когда труп увезли, Дима позвал Людмилу и попросил сделать генеральную уборку во всей квартире. Для чего – не объяснил, но Людмила сама догадалась. Свалив на нее все грязную работу, мужчины уединились в кухне – посовещаться. Ее, конечно же, не пригласили, но она, собственно говоря, и не напрашивалась.

Странно, но вместо благодарности (как-никак Большаков избавил ее мужа от скандала!) Людмила испытывала к нему острую неприязнь. Она вообще с опаской относилась к людям из органов и не понимала, почему Дима поддерживает со Стасом столь тесные отношения. Когда-то они оба учились в университете, но на разных факультетах. Стас – на

юридическом, а Дима – на прикладной математике. Если их что-то и связывало, то только совместные пьянки и походы по девочкам – все пять лет они жили в одной комнате в общежитии. А что еще могло объединять надежду всего университета Диму Заславского и балбеса Стаса Большакова, который большую часть времени торчал в спортзале, а самые легкие зачеты сдавал только с третьей попытки? После окончания университета их дороги разошлись. Дима занялся бизнесом, и весьма успешно, а Стас уехал работать следователем куда-то в Рязанскую область. Вновь они встретились лишь десять лет спустя. И где? В Париже! Людмила и по сей день прекрасно помнила эту «незабываемую» встречу в кафе на площади Пигаль. Большаков сидел за самым дальним столиком и все время поглядывал на них исподтишка. Тогда Людмила понятия не имела, что этот высокий светловолосый мужчина – Димин приятель, и была уверена, что он заинтересовался исключительно ею. Когда же они собрались уходить, Большаков перехватил их у выхода. Разыграл удивление и радость, делая вид, что заметил Диму пару минут назад. Людмила знала, что это неправда, но не решилась сказать об этом вслух. Ее уже тогда испугал его взгляд – холодный и бесстрастный. «Взгляд убийцы», – подумала она, хотя понятия не имела, где Большаков работает. Впрочем, Дима, дурачок этакий, ничего этого не замечал: ни тогда, в Париже, ни в дальнейшем, когда они стали видеться в Москве…

А тогда он радовался этой нежданной встрече, как ребе-

нок. Сразу же пригласил Стаса в дорогой ресторан, предложил переехать к ним в гостиницу, благо на всякий случай Заславские забронировали два номера. В ресторан с ними Людмила не пошла – сослалась на головную боль. И потом каждый раз отказывалась пойти, если знала наверняка, что там будет Большаков. Кажется, он чувствовал, что она его избегает, но никогда – ни словом, ни жестом – не высказывал своего недовольства. С нею он держался подчеркнуто любезно, не более. Впрочем, после той встречи она видела его всего один раз… И вот их дороги вновь пересеклись. Однако теперь Стас Большаков вел себя совсем по-другому – нагло и бесцеремонно, будто бы он, а не Дима, был хозяином в этом доме.

Как ни странно, уборка квартиры принесла ей успокоение, хотя она не занималась этим черт знает сколько времени. Пожалуй, все восемь лет замужества. Дмитрий с самого начала освободил ее от быта, и Людмила была благодарна ему за это. Когда у нее было настроение, она сама готовила, но в последнее время занималась этим не часто. Домашние хлопоты полностью лежали на Анечке – уборка, стирка, готовка…

– Ну что, закончила? – Дима появился в дверном проеме так неожиданно, что Людмила слегка растерялась. Не столько от его появления, сколько от того, что выглядит не совсем обычно: старенькие джинсы, потертая ковбойка, золотистые волосы спрятаны под цветастой косынкой.

Однако Дима не обратил на ее внешний вид никакого внимания.

– Пошли! – нетерпеливо позвал он. – Стас хочет поговорить с тобой.

– Я-то зачем ему понадобилась?

Дима недовольно нахмурился и шепотом попросил:

– Дорогая, очень тебя прошу, будь с ним повежливее. Не забывай, что Стас нам очень помог…

– И теперь до конца жизни я должна буду кланяться ему в ноги за то, что он впутал тебя в очередное дерьмо? – Людмила со всего размаху швырнула тряпку в ведро. – Послушай, Дима, ты ведешь себя, как ребенок. Неужели ты думаешь, что ее никогда не хватятся? Анечка не из космоса же к нам прилетела! У нее были друзья, одноклассники, соседи, в конце концов! Ее прекрасно знают наши охранники, ее видел твой секретарь… Очень сомневаюсь, что твой Большаков этого не понимает.

Дима молча развернулся и вышел из гостиной. И Людмила тут же пожалела, что сорвалась:

«Нашла время обострять отношения…»

Тяжело вздохнув, пошла в ванную вымыть руки. Вначале хотела переодеться, но затем передумала – в конце концов, почему она должна чувствовать себя неловко? Она у себя дома и имеет полное право одеваться так, как считает нужным.

Ей очень хотелось верить, что Большаков помогает Диме только из дружеских побуждений. Но интуиция подсказыва-

ла, что это не так. Она была уверена, что, как только Диму изберут губернатором, Стас потребует расплатиться по счетам. Хорошо, если все обойдется одноразовой взяткой. А если нет?..

«Если Дима этого не понимает, он – полный кретин… Но он упрям как осел, и я устала с ним бороться». С такими невеселыми мыслями Людмила переступила порог кухни.

Царившая там атмосфера ее удивила – Большаков и Дима сидели за столом, спокойно пили кофе и тихо переговаривались. Ну прямо голубки сизокрылые! Завидев ее, разом смолкли, и Людмила почувствовала себя задетой. Она демонстративно уселась подальше от них, отыскала на подоконнике початую пачку своих сигарет и закурила.

Большаков смотрел на Людмилу в упор, и от этого ничего не выражающего взгляда ей сделалось не по себе. Чтобы не выдать своего волнения, она нарочито громко спросила:

– Ты, кажется, хотел поговорить со мной?

Она впервые обратилась к нему так фамильярно, на «ты», но Большаков нисколько не удивился.

– Хочу задать тебе пару вопросов.

Людмила сразу почувствовала себя так, словно сидела на допросе у следователя. И хотя она точно знала, что обвинять ее пока не в чем, ей было стыдно и страшно.

– Я слушаю… – как можно спокойнее кивнула она.

– Ты знаешь, где жила эта девушка?.. Аня, кажется?

– Вообще-то, чаще всего Аня ночевала у нас. Но где-то в

Очакове снимала однокомнатную квартиру.

– Не знаешь, по какому адресу?

– Нет. Но когда она устраивалась на работу, то давала мне номер телефона… Кажется, я записала его в старый блокнот.

– Посмотри, пожалуйста, – вежливо, но твердо попросил Большаков.

Людмила пожала плечами.

– Ладно, посмотрю.

– Это надо сделать прямо сейчас.

«К чему такая спешка?» – подумала Людмила, но, помня о Диминой просьбе – быть с Большаковым повежливее, кивнула:

– Как скажешь. – Затушила сигарету и вышла из кухни.

Номер телефона был записан в старом блокноте, который Людмила хранила в спальне. Оказалось, что войти в комнату, где совсем недавно лежал труп, не так-то и просто. Мысленно уговаривая себя, что рассказы про привидения – чушь несусветная, Людмила осторожно открыла дверь и заглянула внутрь. Затем, сделав над собой некоторое усилие, быстро добежала до комода и принялась судорожно открывать ящики. Аккуратно застеленная кровать притягивала ее взгляд, как магнит, но Людмила приказала себе не смотреть в ту сторону.

«Вряд ли я смогу здесь спать, – думала она, вытряхивая содержимое ящиков прямо на пол. – Бр-р, как подумаю, что в этой квартире убили человека, становится не по себе… Где

же этот чертов блокнот?.. Куда я могла его сунуть?.. Кажется, в последний раз я клала его вот сюда… А это еще что такое?» Она с удивлением повертела в руках обрывок листка, на котором размашистым почерком был выведен какой-то телефон и фамилия – Воскресенский. Никакого Воскресенского Людмила не знала, но ей показалось, что когда-то давно кто-то из ее знакомых упоминал эту фамилию. Она машинально сунула листок в карман джинсов, решив при случае уточнить – нужны ли Диме координаты этого парня.

По закону подлости блокнот лежал на самом дне. Людмила кое-как впихнула все обратно в ящики и встала. Ей нестерпимо захотелось выпить. И не какого-нибудь мартини или сухого вина, а чего-нибудь покрепче.

«Диме, конечно, не понравится, если я буду глотать коньяк на глазах у Большакова. Все будущие политики, черт побери, заботятся о своей репутации… Но мне плевать! Почему я не могу выпить тогда, когда хочу?!»

Позже, вспоминая этот момент, она не могла объяснить, как ей удалось подойти к двери кухни незаметно. Вроде бы специально не старалась этого делать, но ни Большаков, ни Дима не услышали ее шагов. Они разговаривали достаточно тихо, но первая же фраза, услышанная Людмилой, заставила ее насторожиться.

Говорил Большаков:

– Теперь слушай меня внимательно: девчонку и ее контакты я беру на себя. Твоя задача – избавиться от всех, кто

знал, что она работала у тебя в доме.

– Телохранителей я уволю, это не проблема. Арсений будет молчать, а вот что делать с Иваном?

– С каким Иваном?

– Ты что, забыл? Он приходил ко мне неделю назад и видел здесь Аню.

– А, этот журналист! Думаешь, он ее запомнил?

– Еще как! Более того – положил на нее глаз. Не удивлюсь, если он назначил ей свидание. Он еще тот бабник! А девчонка могла проболтаться. Тогда нам конец.

– Ладно, что-нибудь придумаем… – Большаков тихо выругался: – Черт, кофе убежал! Где у тебя тряпка? Хочу плиту вытереть…

– Оставь. Люда все уберет.

– Кстати, ты собираешься сказать ей правду? – вдруг спросил Большаков.

– Нет.

– Думаешь, она ни о чем не догадывается?..

– Уверен.

– У тебя умная жена…

– Она занята только собой и своим бизнесом. – В голосе Димы зазвучала такая горечь, что Людмила невольно вздрогнула. – Мы давно стали чужими людьми. Она не вникает в мои проблемы, я стараюсь не вмешиваться в ее дела… Лет пять назад я, наверное, рассказал бы ей все. Но не сейчас. Нет, не сейчас…

«Вот гад! – Людмила почувствовала, что краснеет. – Это я занимаюсь только собой? Да сколько сил и нервов я потратила на твою предвыборную кампанию!»

– Послушай, Стас! – На этот раз Димин голос звучал еще более напряженно. – Так что ты решил с Иваном? Он – опасный человек. Если девчонка все ему рассказала…

– Автомобильная катастрофа. Как тебе такой вариант?

Тягостная пауза тянулась минуты две, затем Дима сказал:

– У него нет прав. Машину, кажется, жена водит… Но я не хочу, чтобы она пострадала. И так слишком много трупов.

– Да не нервничай ты так! – Большаков коротко рассмеялся. – Я же сказал: что-нибудь придумаем. Он, часом, не на игле?.. Жаль… В конце концов, можно организовать обычное самоубийство. У каждого человека, даже самого счастливого, найдется пара-другая причин, чтобы свести счеты с жизнью. Несчастная любовь, к примеру. Тем более что он – бывший алкоголик… Другое дело, что эта услуга будет платной.

– Сколько?

– Работы много: предсмертная записка, тщательная подготовка, плюс – человек со стороны.

– Сколько? – повторил Дима.

– Штук десять, не меньше. Ты же знаешь, у меня нет таких денег. Ты готов заплатить?

Чтобы не закричать, Людмила закрыла рот ладонью и привалилась к стенке. Перед глазами пронеслись разноцветные

круги, коленки противно задрожали. Услышанное ее так потрясло, что ей показалось – сейчас она грохнется в обморок. Нет, она не была наивной девочкой и прекрасно знала, что многие проблемы «большого бизнеса» решаются именно таким жестоким способом. Но одно дело – о чем-то догадываться, а совсем другое – лично слышать, как твой муж делает заказ на убийство некоего журналиста…

Под ней скрипнул паркет, и она поняла, что больше стоять под дверью не имеет смысла. Сделав над собой некоторое усилие, Людмила вошла. Мужчины тут же повернулись к ней, и Большаков спросил:

– Ну, как?

– Нашла. – Она назвала номер, записанный в блокноте, и уточнила: – Я вам еще нужна? Если нет – пойду… Что-то голова разболелась.

– Может, вызвать доктора? – участливо предложил Дима.

– Не надо.

Людмила вышла из кухни, плотно прикрыла за собой дверь и со всех ног бросилась в комнату, которую Дима именовал рабочим кабинетом. Прилечь там было негде – разве что на кожаный диван, который своими причудливыми формами напоминал ей огромную жабу, решившую погреться на солнышке. Однако выбирать было не из чего – не идти же в спальню, в конце концов!

В кабинете царил полумрак – плотно закрытые жалюзи почти не пропускали света. Людмила достала мягкий плед,

постелила его на диван, легла и закрыла глаза. Мысленно приказала себе расслабиться и ни о чем не думать. Обычно ей легко удавалось вызвать у себя состояние полного покоя. После получасового тренинга все, даже самые серьезные проблемы казались вполне разрешимыми, и она чувствовала себя совсем другим человеком – решительным и готовым к действию. Но на этот раз все вышло иначе: минут пятнадцать Людмила упорно повторяла про себя: «Я спокойна, я совершенно спокойна, ничего страшного не произошло…», но затем поймала себя на мысли, что повторяет это «заклинание» машинально, не вникая в значение слов.

«Зачем я пытаюсь себя обмануть? – подумала она и открыла глаза. – Я ведь сразу заподозрила, что Дима избавился от трупа не только потому, что испугался скандала. А все эти разговоры о рейтинге, о папарацци, о Юмашеве – полная чушь. Эти разговоры были для меня. На самом деле Анечка знала о Диме что-то такое, чего не должна была знать. Возможно, даже шантажировала его этим… И теперь, когда она умерла, Дима испугался, что это „что-то“ выплывет наружу. Иначе зачем ему „заказывать“ какого-то журналиста только из-за того, что тот ухаживал за нашей домработницей?..»

Вывод напрашивался сам собой: к Анечкиной смерти Дима имеет самое непосредственное отношение.

«Скорее всего он не собирался ее убивать… Все произошло случайно: на него нахлынул приступ отчаяния, и он не смог совладать с ним. Когда же пришел в себя и понял,

что натворил, растерялся. На языке юристов это называется: „убийство в состо-янии аффекта“… – Людмила тяжело вздохнула. – Но, черт побери, это не может служить оправданием! У меня самой куча врагов и завистников, и все они, слава богу, живы и здоровы…»

Сама не зная почему, она стала думать о своем, как ей всегда казалось, удачном замужестве. Им не раз говорили, что они с Димой – красивая и гармоничная пара. А подруги наперебой твердили, что ей повезло и супруг у нее просто идеальный. Со стороны, наверное, он в самом деле казался идеальным: делал ей дорогие подарки, водил в рестораны и никогда не требовал, чтобы она бросила работу и стала домохозяйкой. Правда, в их отношениях никогда не было искренности, однако до этого дня Людмилу вполне устраивала такая жизнь – спокойная, размеренная и без всяких сюрпризов. Но внезапная смерть Анечки все расставила на свои места…

«Я живу с убийцей…» – после столь мрачного заключения Людмиле стало совсем нехорошо. Минуты три она боролась с собой, но затем, застонав от собственного малодушия, резко встала и открыла крышку бара, встроенного в диван. Вытащила початую бутылку мартини и, отвинтив пробку, приложилась прямо к горлышку. Сделав несколько глотков, отерла тыльной стороной ладони мокрые губы и сунула бутылку обратно в бар. Найдя на столе пачку «Мальборо», закурила. У нее дрожали руки и ноги, гулко стучало сердце,

но стоило сделать пару затяжек, как пугающая дрожь прошла. Никотин вместе с алкоголем дал вполне ощутимые результаты – Людмила совершенно успокоилась и вновь обрела способность рассуждать здраво.

«Так, на чем мы остановились?.. На том, что мой богатый и знаменитый супруг в порыве аффекта задушил собственную домработницу. И теперь готов заплатить десять кусков за ликвидацию некоего журналиста. Похоже, он подозревает, что этот Иван закрутил шашни с Анечкой и она поделилась с ним важной информацией… Реально? Вполне. Однако все это странно: обыкновенная домработница знает о Диме гораздо больше, чем собственная жена! – Людмила грустно улыбнулась и мысленно успокоила саму себя: – Может быть, поэтому я все еще жива…»

– Дорогая, с тобой все в порядке?.. К тебе можно?

Услышав голос мужа, Людмила быстро затушила сигарету и легла на диван.

– Заходи!

Дмитрий переступил порог кабинета и подошел к ней. Присел на краешек дивана и взял ее ладонь в свои.

– Стас уходит. Не хочешь попрощаться?

Людмила помотала головой. Димино прикосновение было ей неприятно, но она не решилась отдернуть руку.

– Нет. Извинись за меня. Скажи, что я плохо себя чувствую…

– Так плохо, что не можешь дойти до прихожей и сказать:

«До свидания»? – Дима криво усмехнулся.

– Да, так плохо.

– Послушай, дорогая, это, в конце концов, неприлично! – В его голосе послышалось раздражение. – Стас нам так помог…

– Не нам, а тебе! – возразила Людмила.

– Но ты пока что моя жена… Не понимаю, почему Стас тебе неприятен? Он же не сделал тебе ничего плохого.

«Да замолчишь ты или нет, в конце концов?!» – Она рывком села и смерила Диму полным презрения взглядом.

– Что ты от меня хочешь? Чтобы я трахнулась с твоим долбаным эфэсбэшником? Если ты ему чем-то обязан, расплачивайся сам. А меня, пожалуйста, не втягивайте в свои грязные игры!

Дмитрий резко встал. Его ноздри побелели от гнева. Чеканя каждое слово, сказал:

– Что ты себе позволяешь? – И добавил совсем уж неожиданное: – Попридержи язык, иначе это может плохо кончиться.

Он вышел, демонстративно хлопнув дверью. А Людмила едва удержалась от того, чтобы не крикнуть ему вслед: «Может, и за меня ты готов выложить десять кусков, мерзавец?»

Глава 3

– Проигрываем ситуацию: противник вооружен, оружие – в боковом кармане. – Инструктор обвел глазами шеренгу девушек и остановил взгляд на ней. – Антонина!

Тоня сделала шаг вперед и лучезарно улыбнулась. Ну, сейчас она покажет этим самодовольным самцам, что не перевелись на Руси настоящие бабы. Да, именно те, про которых нудный классик писал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет…»

Но какого черта она так волнуется? Боится не оправдать оказанного доверия? Да глупости все это! Сколько раз на тренировках она проделывала то же самое. Но одно дело – отрабатывать приемы на тренировке, совсем другое, когда на тебя пялятся потенциальные работодатели. Вон их сколько притащилось – человек семь, не меньше. И все, как близнецы-братья: сытые, самодовольные, на лицах недвусмысленные усмешечки. Словно пришли сюда не охранников выбирать, а любовниц…

«Ничего, сейчас вы не то запоете!»

Захватив руку инструктора за запястье и плечо, Тоня «насадила» его пах на свое колено и опомнилась лишь тогда, когда Игорь Николаевич ойкнул от боли.

– Простите… – пробормотала, ослабив захват. – Увлеклась.

– Ничего… – шепнул тот и неожиданно для нее выхватил из кармана нож и попытался ударить наотмашь. Тоня ушла в сторону, захватила его руку и перешла в контратаку: носком ступни заехала в живот. Нож полетел в сторону, а инструктор оказался на полу. Среди зрителей прошел одобрительный смешок.

Кто сказал, что хорошими телохранителями могут быть только амбалы с толстыми шеями? Телохранителей нужно подбирать по размеру их мозгов, а не по ширине плеч. Чего-чего, а мозгов у Тони побольше, чем у всех этих «купцов» вместе взятых. Плюс быстрота реакции, знание английского и умение принимать молниеносные решения. Пожалуй, ее можно упрекнуть только в одном – в отсутствии практического опыта. Но опыт дело наживное…

– Спасибо, Антонина, – поблагодарил ее инструктор, и Тоня встала в строй. Пока остальные девчонки демонстрировали, кто на что горазд, украдкой рассматривала «купцов». Уж очень они походили на человекоподобных роботов, излюбленных персонажей Голливуда: ноги на ширине плеч, руки висят вдоль тела, рожи непроницаемые. Лишь у одного из них – бритоголового борова в костюмчике с иголочки – на лице явная заинтересованность. Вот только не на девчонок он пялится, а на нее, Тоню. Пялится похотливо, как кот, учуявший сметану…

– Господа, теперь попрошу вас пройти в тир…

Приглашение Игоря Николаевича внесло в ряды «купцов»

заметное оживление. Повернувшись как по команде, они гуськом потянулись к выходу – шаг левой, шаг правой. Бритоголовый вышел последним, бросив на Тоню такой многозначительный взгляд, что у нее кожа покрылась мурашками.

«Вот козел! – отчего-то разозлилась она. – Не иначе, решил сделать из меня современную Мата Хари. Только, увы, просчитался – я не на том специализируюсь!»

Злость придала ей уверенности в себе: результат в тире превзошел все ожидания – из пятидесяти возможных она выбила сорок девять. Да и в стрельбе по движущимся мишеням ни разу не промахнулась.

Тоня чувствовала, что произвела впечатление. Игорь Николаевич, обычно скупой на комплименты, сдержанно похвалил ее. А уж бритоголовый расцвел, словно невеста перед алтарем. Будто имел к ее успехам самое непосредственное отношение. Жаль, что остальные девочки показали себя не с лучшей стороны. Растерялись, что ли? А может, работали не с полной отдачей… Им ведь, в отличие от Тони, эта работа не очень-то и нужна. Люська прочно осела в своем казино и уходить никуда не собирается. Наталья зарабатывает на жизнь стриптизом в баре – никакого риска плюс чаевые. У Алены – маленький ребенок. Другие девчонки тоже не особенно рвутся подставлять себя под пули. Овладели приемами рукопашного боя, научились метко стрелять – в случае чего за себя постоять смогут. Только она, дура набитая, никак не может расстаться с иллюзиями.

Когда «показательные выступления» закончились, бритоголовый подошел к ней. Изобразил на лице некое подобие улыбки, отчего его лощеная физиономия стала похожа на смазанную маслом грушу.

– Антонина Панкратова, если не ошибаюсь?

– Она самая.

Он протянул ей визитную карточку – черные буквы на золотом фоне. Не иначе, решил произвести впечатление! Добить ее своим положением в обществе.

Чуть поколебавшись, взяла – надо же знать, что этот фрукт собой представляет. Пробежалась глазами по строчкам:

«Гусев Владимир Владимирович – начальник службы безопасности охранного предприятия „Терминал“… – И сердце зашлось от радости: – Неужто из самого „Терминала“?.. Это же круто!»

– Хочу предложить вам работу, – небрежно продолжал Гусев. – Учитывая, что в нашем деле вы – новичок, зарплата будет невысокой – двести у.е. в месяц. Лечение, питание, командировки и страховку оплачиваем мы. Отпуск и выходные гарантируем. Обычно контракт подписывается на год и продлевается, если нас удовлетворит ваша работа. Ну как, вы согласны? Или дать вам время подумать?

«Еще бы не согласна! – возликовала Тоня. – Да я бы пошла работать в „Терминал“ и бесплатно… Говорят, там есть чему поучиться».

– А можно кое-что уточнить? – холодея от собственной наглости, спросила она.

– Что именно?

– Зачем вам я? По-моему, вы работаете по старинке – никаких женщин среди охранников. Или это веяние новой моды?

Мохнатые брови Гусева заходили ходуном. Его лицо побагровело, и неожиданно для Тони он громко расхохотался.

– Мне нравится ваша прямолинейность… – отсмеявшись, признался он. – А что касается ответа на ваш вопрос… – Лицо Гусева вновь стало непроницаемым. Казалось, он раздумывает, стоит ли посвящать Тоню в секреты своей фирмы. Как-никак, она еще не сказала твердого «да». Наконец, решив, что ровным счетом ничего не теряет, сухо ответил: – Вы правы: у нас сугубо мужской коллектив. Но вчера наше агентство заключило договор с Дмитрием Сергеевичем Заславским. Он хотел, чтобы среди его телохранителей была женщина. Пришлось срочно подыскивать подходящую кандидатуру. Выбор пал на вас…

Тоня понятия не имела, кто такой этот Дмитрий Сергеевич Заславский, но по тону Гусева догадалась: ее будущий хозяин – важная птица. Иначе какого черта они так прогибаются перед ним?

– Когда можно приступать? – поинтересовалась деловито, стараясь, чтобы ее голос звучал независимо.

Но Гусев, тертый калач, сразу просек, что она ухватилась

за его предложение обеими руками. Посмотрел на часы и так же деловито ответил:

– Через сорок минут жду вас в нашем офисе. На повестке дня знакомство с коллегами, подписание договора, в пять – встреча с Заславским…

– Что, прямо сегодня? – растерялась Тоня.

– Время – деньги… И не опаздывайте.

Теперь, когда она фактически дала согласие работать в «Терминале», тон Гусева разительно переменился – в нем прорезались начальственные нотки. От этой, казалось бы, мелочи у Тони испортилось настроение. И хотя умом она понимала, что их отношения перешли на новую стадию развития – «слуга – хозяин», – ничего не могла с собой поделать. В душе зашевелился червячок сомнения – а правильно ли она поступает? Ходят слухи, что в «Терминале» жесткие порядки: увольняют за малейшую провинность.

«Можно подумать, наниматели в очередь выстраиваются, чтобы заполучить такого ценного работника, как я! – осадила она себя. – Так что, смири гордыню. Иначе придется тебе, девочка, возвращаться на рынок».

При мысли о тюках с барахлом, замусоленных долларах и Гарике, хозяине товара, Тоне сделалось не по себе.

«Хуже не будет», – подумала она и ответила:

– Постараюсь не опоздать.

* * *

Дмитрий Сергеевич Заславский жил на втором этаже пятиэтажного дома, построенного в начале пятидесятых. Уютный дом с зеленым двориком и чертовски неудобной парковкой для машин. Неизменная парочка старух у подъезда, детишки в песочнице, подростки, украдкой покуривавшие в беседке… На первый взгляд – тишина и умиротворенность. Только вот в плане безопасности этот дом никуда не годился: окна соседних домов расположены слишком близко, во дворе много укромных уголков, откуда можно запросто снять клиента, – ряд гаражей, разросшиеся кусты акации. Особый интерес представлял приемный пункт стеклотары. Около пункта ошивались трое совершенно опустившихся типов неопределенного пола и возраста. На первый взгляд – натуральные бомжи, но кто знает, что кроется за внешним антуражем?

Все это Тоня заметила сразу, как только «БМВ» тормознул у нужного подъезда. Но высказать свои сомнения вслух посчитала излишним. Ее коллеги – профессионалы, и сами разберутся, что к чему.

Два часа назад она познакомилась с этими самыми «профессионалами» и возненавидела их с первой же секунды. Почему? Да потому, что сразу почувствовала – парни относятся к ней, мягко говоря, недоброжелательно. Как только

Гусев представил им Тоню, все трое недоуменно переглянулись. У каждого в глазах стоял немой вопрос: «За какие такие провинности шеф навязал на нашу голову эту неопытную куклу?»

Несмотря на волнение, Тоня запомнила, как зовут каждого из ее коллег. Гена Нечаев – рыжий и конопатый балагур. Сергей Сай – меланхоличный блондин с внешностью прибалта. Валера Краснопольский – миловидный красавчик из породы самцов, от которых тащатся все женщины детородного возраста. Их, таких разных, объединяло одно: совместная работа и презрение к Тоне. Только каждый из них выражал свое отношение к ней на свой манер – Рыжий тут же попытался «приклеиться», Прибалт окатил ее взглядом, полным холодного отчуждения, а красавчик Валера и вовсе не посмотрел в ее сторону. Хотя именно его Гусев назначил Тониным напарником.

Она готова была сквозь землю провалиться от столь холодного приема. Чтобы скрыть замешательство, решила держаться с коллегами подчеркнуто раскованно. Дескать, я не такая неопытная, как показалось вам с самого начала. И вообще, мне все по плечу. Но, похоже, от этого ее рейтинг нисколько не повысился. И хотя к Заславскому они отправились все четверо – на раздолбанном «БМВ» Сергея, – всю дорогу парни упорно не замечали ее. Поэтому, когда впереди показалась сталинская пятиэтажка, Тоня вздохнула с облегчением.

Первым из машины выбрался Рыжий. Постоял, огляделся и уверенно направился к старушкам, кучно облепившим лавочку, – налаживать контакты. Не прошло и минуты, как он уже обращался к каждой из старушенций по имени-отчеству, а те, перебивая другу друга, делились с Рыжим последними дворовыми новостями.

«Разумный шаг! – не могла не признать Тоня. – Такие вот бабушки – самые надежные источники информации. Днем торчат у подъезда, ночью, из-за бессонницы, – у окна. Знают все про всех и первыми заметят, если какой-нибудь подозрительный субъект станет крутиться поблизости… Главное – завоевать их доверие».

Она вышла из машины и огляделась. Да-а-а, райончик, хотя и центральный, не самый фешенебельный. Особенно для такой крупной птицы, как Дмитрий Заславский. Гусев был столь любезен, что объяснил ей популярно «ху из ху». По его словам, пару лет назад Заславский попал в первую десятку богатейших людей России. Причем свое состояние он сколотил на голом месте – инженер-электронщик раньше других понял, в чем сила компьютеров. На них и заработал свой первый миллион. Каким-то невероятным образом ему удалось втереться в доверие к главе администрации бывшего президента. С легкой руки этого чиновника Заславский получил эксклюзивное право заниматься поставками компьютерной техники для ФСБ, многочисленных министерств и других правительственных учреждений. На заработанные

деньги купил акции нефтеперерабатывающего комбината и стал крутым акционером. Теперь вот решил податься в политику – баллотироваться на пост губернатора Московской области. Никто не сомневался, что на выборах Заславский победит. Если, конечно, доживет до этого дня…

– Ну что, ребята, пошли знакомиться с клиентом? – наконец предложил Сергей.

– Пошли, – поддержал его Валера и громко позвал: – Гена, что ты там застрял?

Рыжий помахал рукой, дескать, иду. Но «слезное расставание» со старушками растянулось еще минуты на три. Когда Рыжий наконец-то исполнил необходимые церемонии и подошел к ним, выглядел он не лучшим образом: неизменная улыбка исчезла, уступив место хмурой сосредоточенности.

«Неужели эти божьи одуванчики его так доконали?» – удивилась Тоня и вопросительно посмотрела на Рыжего.

– Новости просто замечательные, – мрачно отчитался он. – Не двор, а какой-то базар. Шляются все, кому не лень – бомжи, «качки», интеллигенты с «дипломатами». Похоже, господин Заславский живет на пороховой бочке. Не мудрено, что на него уже дважды покушались.

– А что ты хотел? – усмехнулся Сергей. – За двойную оплату, и курорт?..

– Хуже всего, – с нажимом продолжил Рыжий, – что каждый из этих типов может оказаться потенциальным килле-

ром. Вот обратите внимание на этого хмыря…

Все, как по команде, посмотрели на лысого толстяка, который минуту назад выбрался из красного «Москвича». Не обращая на них никакого внимания, толстяк ринулся к багажнику и вытащил оттуда огромную спортивную сумку. Поставив «Москвич» на сигнализацию, судорожно огляделся и, подхватив сумку, направился к подъезду дома, на котором масляной краской был выведен номер – двадцать пять. Он шел, переваливаясь, словно утка, – с боку на бок, и очень напоминал Винни-Пуха из известного диснеевского мультика.

– Нет, этот на убийцу не похож! – рассмеялась Тоня. – Типичный дачник.

– А ты когда-нибудь видела хоть одного убийцу? – сквозь зубы процедил Рыжий. – Не по телевизору, а живьем. То-то и оно, что не видела! Настоящий профессионал под кого хочешь загримируется… Думаешь, у этого толстого в сумке картошка или огурцы? Как бы не так! Снайперская винтовочка, вот что!.. Между прочим, в подъезде, куда он входил, есть замечательная квартирка. Уже полгода в ней никто не живет. На пятом этаже, вон те три окна…

– Откуда ты знаешь? – удивилась Тоня.

– Глупый вопрос. Думаешь, я зря обхаживал этих бабулек?.. Так и быть, выдам вам секретную информацию: хозяин умер около года назад, а его сын смылся в длительную командировку. Открыть запертую квартиру для профессионала – раз плюнуть. А место для выстрела – идеальное. Клиент

выходит из подъезда, толстяк спускает курок, и… мы остаемся без работы.

Тоня подняла голову и принялась изучать «опасные» окна. Естественно, ничего особенного не увидела – давно не мытые стекла, пожелтевший тюль…

– Может, подняться и проверить? – предложила неуверенно.

– Все, хватит болтать! – Сергей нетерпеливо посмотрел на часы. – Уже без трех минут пять! Нас, между прочим, ждут.

– Старик, пунктуальность – твое слабое место! – развел руками Рыжий и, фамильярно приобняв Тоню за плечи, зашептал ей на ухо: – Мы с тобой вместе проверим, лапушка. Сегодня вечером и проверим…

Только сейчас до Тони дошло, что ее просто-напросто разыграли. А она, дура набитая, поверила, что в сумке у толстяка в самом деле лежит снайперская винтовка… Нет, с этими ребятами надо держать ухо востро. Иначе опять попадешь впросак.

Совсем не дружелюбно она сбросила руку Рыжего со своего плеча и шагнула к подъезду. Сергей тем временем нажал код квартиры Заславских и, услышав искаженный динамиком голос: «Кто там?», бодро ответил:

– Охранники из «Терминала».

Щелкнул замок, Сергей открыл дверь и нырнул в черную пасть подъезда. Вслед за ним прошли Рыжий и Валера. Тоня вошла последней. Настроение у нее было отвратительным.

Поднявшись на второй этаж, Сергей нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась на удивление быстро, и перед ними предстала рыжеволосая красотка в темно-зеленом брючном костюме. Смерив их хмурым взглядом, красотка жестом предложила войти. На какую-то долю секунды ее глаза задержались на Валерином лице, и Тоня со злорадством подумала: «Надо же, и ты попалась на эту удочку!»

– Обувь можно не снимать! – разрешила красотка и процедила сквозь зубы: – Проходите в гостиную, располагайтесь. Муж сейчас будет.

«Глазам своим не верю: неужто это мадам Заславская? – Тоня озадаченно нахмурилась. – Но странно, что она сама открыла нам дверь. У них что, нет прислуги? Достаток вроде бы позволяет, а положение обязывает».

Миновав длинный коридор, Тоня вошла в гостиную и с интересом огляделась. С первого взгляда было видно, что над интерьером поработал не только стильный дизайнер, но и опытный психолог. Сочетание бледно-голубых стен и лимонно-желтой обивки мягкой мебели снимало нервное напряжение. Удобное кресло расслабляло, мягкий свет торшера успокаивал. Думать о работе совсем не хотелось. А хотелось сию минуту очутиться в ночном баре с бокалом мартини в руке. Похоже, подобные мысли посетили не ее одну – Рыжий развалился на диване с таким праздным видом, словно находился не в гостиной клиента, а на пляже.

Тоня едва успела сесть в кресло и сбросить с плеч рюкза-

чок, как дверь распахнулась и в комнату вошли двое мужчин. Первый – невысокий, худой, с большими залысинами и длинным носом – произвел на Тоню странное впечатление. Его нельзя было назвать красавцем, но в его уверенных движениях чувствовались сила и власть. Второй выглядел гораздо импозантнее, но держался с холуйским подобострастием. Понять, кто из этих двоих хозяин роскошных апартаментов, было нетрудно.

– Добрый вечер! – поздоровался Заславский и, когда все попытались встать, нетерпеливым жестом усадил их обратно. Осмотрел всех по очереди цепким сорочьим взглядом и сел в кресло, придвинутое к журнальному столику. Присутствие Тони его если и обрадовало, то он ничем не выдал своих чувств.

Его спутник, положив на журнальный столик ворох газет, молча пристроился в углу на стуле и с умным видом принялся просматривать какие-то бумаги.

– Чай? Кофе? – улыбнулся Заславский. Все тут же оценили высокий класс его стоматолога.

– Кофе, – за всех ответил Сергей. По-видимому, между ребятами существовала негласная договоренность: переговоры с клиентами ведет Сай.

– Людмила, сделай нам, пожалуйста, кофе! – бросил Заславский в приоткрытую дверь и вновь переключился на присутствующих: – Значит, вы и есть мои новые телохранители?.. Называть свои имена не стоит – все равно не запом-

ню. Разве что девушку… – Он снизошел до того, чтобы посмотреть на Тоню. – Как вас зовут?

– Антонина.

– А по батюшке?

– Сергеевна.

– О, мы почти тезки!.. Странно, но я был уверен, что вы – совсем другая. Не такая симпатичная и… Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Выглядите моложе… Замужем?

Тоня с удивлением отметила, что бестактные вопросы Заславского ее ничуть не смущают.

«Кажется, я начинаю втягиваться в свой новый стиль жизни…» – подумала она и ответила:

– Не замужем.

– Это хорошо, – кивнул Заславский и улыбнулся, явно напрашиваясь на ответную улыбку.

Тоня хотела сделать ему приятное – хозяин как-никак, – но, вспомнив предостережения Гусева (никаких амуров на работе!), передумала.

«Ну его к черту, этого богатого придурка… Еще решит, что я втрескалась в него с первого взгляда…»

Похоже, Заславскому каким-то невероятным образом удалось прочесть ее мысли. Он сделал вид, что не заметил ее замешательства, и переключил общее внимание на молодого человека, тихо сидевшего в углу.

– Позвольте представить вам моего помощника Арсения

Петровича Камушкина. Он – моя правая рука и в курсе всех моих дел. У него вы можете получить подробную информацию о моем распорядке дня и маршрутах передвижения. Он же предоставит вам список лиц, которым я полностью доверяю, и список тех, кого нельзя подпускать ко мне ближе, чем на сто метров. – Заславский вздернул правую бровь. – Заранее предупреждаю: второй список гораздо длиннее… Хотите что-нибудь уточнить?

– Да, – кивнул Сергей. – Кого из этого списка, по-вашему, стоит опасаться больше всего?

– Естественно, генерала Юмашева, моего главного конкурента на выборах. Я почти уверен, что последнее покушение на меня было организовано его людьми. Он прекрасно понимает, что от поражения его может спасти только одно – моя смерть.

Заславский произнес это с такой горделивой патетикой, что Тоня серьезно засомневалась: а не поехала ли у него крыша? Постоянная психологическая нагрузка плюс напряженный ритм жизни – разве этого мало для того, чтобы свихнуться?

В этот момент в гостиную вошла мадам Заславская. Она катила перед собой тележку, на которой рядом с кофейником и чашечками стояло множество тарелочек – с фруктами, орешками и печеньем нескольких сортов.

«Эта богатая дура в самом деле помешана на быте… – с кривой усмешкой подумала Тоня. – Господи, будь у меня

столько бабок, я бы к грязным тарелкам и не притронулась… И все же, это чертовски приятно – пить кофе, приготовленный самой Людмилой Марковной!» Она взяла со столика одну из чашечек, сделала глоток, предвкушая наслаждение, и… едва не поперхнулась – кофе оказался отвратительным.

Чтобы сгладить впечатление от «божественного напитка», Тоня сунула в рот печенье. Мужчины, занятые разговором, к кофе не притронулись, с чем Тоня мысленно их и поздравила.

– Юмашев воевал в Афганистане, – тем временем продолжал Заславский. – Поэтому выборы на пост губернатора он воспринимает как маленькую войну. Противника, по его мнению, нужно деморализовать. Ваша задача – обеспечить полную безопасность мне и моей семье. У вас будут какие-нибудь конкретные предложения?

– Сменить квартиру! – сказал Сергей.

– Это еще зачем?

– Квартира не соответствует элементарным правилам безопасности. Двор проходной, соседние дома расположены слишком близко.

– Хотите сказать, что в любой момент меня могут убить? – с кривой усмешкой уточнил Заславский.

– Именно это я и хочу сказать.

– Странно, но ваших предшественников все устраивало.

– Значит, они были недостаточно компетентны и…

– Тем не менее я все еще жив! – перебил Заславский, об-

ретая былую уверенность. Улыбка стала еще шире, а интонации голоса вкрадчиво-угрожающие. – Господа, хочу вас предупредить: я привык к определенному образу жизни и не стану менять его даже в целях собственной безопасности. Вам все ясно? Теперь второе. Никаких грубых жестов по отношению к избирателям. Если какая-нибудь старушка пожелает вручить мне букетик цветов, не оттесняйте ее своими могучими плечами.

– А если у этой старушки бомбочка за пазухой? – не выдержал Рыжий.

– А если нет? Хотите попасть на страницы прессы под кличками «тупоголовые орангутанги Заславского»? Не в моих правилах отгораживаться от народа стеной из мускулов.

– В таком случае, мы не сможем вам ничего гарантировать! – высказал всеобщее мнение Сергей. – Вы выполняете свою работу, мы – свою…

Он не успел договорить – Заславский вскинул правую руку, привлекая внимание.

– Или вы будете работать на меня, соблюдая мои условия, или я обращусь в другое агентство! – жестко заявил он. – Безработных охранников сейчас пруд пруди… Вам все ясно?

– Яснее не бывает, – хмуро откликнулся Сергей.

– Тогда разговор окончен. Жду вас завтра в семь утра. Не опаздывайте… Арсений, проводи гостей до двери! – Его темные глаза остановились на Тоне. – До свидания, Антонина Сергеевна. Мне было очень приятно познакомиться с ва-

ми… – Его голос заметно потеплел. – Возможно, я не прав, но эта работа не для вас. Бегите из охранного бизнеса, пока не поздно…

Столь пристальное внимание к ее персоне повергло Тоню в самый настоящий шок:

«Он что, ко мне клеится? Но зачем делать это на глазах у собственной жены? Ну и семейка, скажу я вам: муж волочится за каждой юбкой, жена, экономя на прислуге, сама готовит кофе… Недаром говорят, что у „новых русских“ свои заморочки…»

– Надеюсь, завтра мы с вами увидимся?

– Завтра не моя смена, – с трудом выдавила из себя Тоня, еще не решив, как правильно реагировать на столь откровенные заигрывания. Прикинуться «синим чулком» и сразу расставить все точки над «i»? А может, лучше сделать вид, что она ни во что не врубается?

– Значит, до послезавтра. – Заславский вновь посмотрел ей в глаза долгим бархатным взглядом. – Я с нетерпением буду ждать встречи с вами. – И быстрым шагом покинул гостиную.

Тоня украдкой посмотрела на мадам Заславскую. Холеное лицо Людмилы Марковны оставалось непроницаемым.

«Умеет держать себя в руках, – подумала с уважением. – Делает вид, что выше всего этого… А может, ей в самом деле на все наплевать?»

– До свидания, ребята, – Людмила Марковна сверкнула

улыбкой в тридцать два зуба и, прихватив со стола оставленные секретарем газеты, направилась в одну из смежных комнат.

Лично Тоне ее улыбка показалась фальшивой, а вот Сергей и Рыжий отреагировали на нее так, как и должны были отреагировать: расправили плечи и заулыбались в ответ. Лишь Валера держался с аристократическим спокойствием, и Тоня порадовалась за него. Радость могла бы быть еще полнее, если бы не мысли о своем незавидном положении в этой команде. Даже дураку стало бы ясно, что парни относятся к ней как к ненужному приложению. А тут еще Дмитрий Заславский со своими дурацкими комплиментами… Подпортил он ей репутацию, ничего не скажешь.

Из гостиной она вышла одной из последних – коллеги (джентльмены хреновы!) опять не пропустили ее вперед. Столь откровенное игнорирование стало напоминать Тоне некий магический ритуал: впереди – здоровенные лбы, а позади она – маленькая и хрупкая.

Уже на лестничной площадке Тоня вдруг вспомнила, что оставила в гостиной свой рюкзачок. Слава богу, что помощник Заславского еще не запер за ними входную дверь.

Бедный Арсений не успел ничего сообразить, как Тоня проскочила под его рукой и рванула в гостиную. Услышав возмущенный возглас: «Вы куда?», бросила через плечо:

– За сумочкой!.. Я быстро!

Странно, но в гостиной рюкзачка не оказалось. А ведь То-

ня точно помнила, что клала его на спинку кресла. Осмотрев все вокруг, присела на корточки и заглянула под диван. Так и есть – рюкзачок лежал там.

«Какой идиот его туда затолкал?» – с неудовольствием подумала она.

Неожиданно в гостиную стремительной походкой вошла Людмила Марковна. В руках она держала свежий номер «Московского комсомольца». Изящным жестом поправив покрывало, опустилась в кресло и, развернув газету, углубилась в чтение. По тому, как хозяйка себя вела, Тоня догадалась, что ее присутствие в гостиной осталось незамеченным. Пока Тоня судорожно размышляла – как потактичнее сообщить о себе, мадам Заславская перевернула последнюю страницу, быстро пробежала глазами по строчкам и, издав возглас отчаяния, с силой отшвырнула газету на пол.

– Господи, я знала, рано или поздно это случится! – воскликнула с болью в голосе.

И тут их взгляды встретились. Тоне показалось, что в огромных зеленых глазах Людмилы Марковны плещется самый настоящий ужас.

«Что с ней такое? – растерялась Тоня. – Испугалась, что в гостиной посторонние? Да нет, это выражение появилось у нее еще до того, как она заметила меня… Аккурат тогда, когда читала газету…»

– Что вы здесь делаете? – наконец разжала губы Людмила Марковна. Страх в ее глазах исчез, уступив место искренне-

му изумлению.

Вытащив из-под дивана рюкзачок, Тоня демонстративно повертела его перед носом своей новой хозяйки.

– Вот за ним вернулась.

Похоже, подобное объяснение удовлетворило Людмилу Марковну. У Тони же, наоборот, на душе стало неспокойно.

«Что же такого было написано в этой чертовой статье? – подумалось вдруг. – Очередная сплетня про блистательную мадам Заславскую и ее богатого муженька?.. Даже если и так, то здравомыслящего человека этим не проймешь. А мадам, насколько я успела убедиться, – человек здравомыслящий и умеющий держать себя в руках. Не представляю, что могло напугать ее до смерти…»

* * *

– Ну что, крошка, куда едем мочить твой первый рабочий день? – Рыжий по-хозяйски обнял Тоню за плечи и попытался заглянуть в глаза. – К тебе или ко мне?

«Вот ведь гад! – с тоской подумала Тоня. – В квартире Заславского вел себя как паинька, а стоило оказаться на нейтральной территории, опять распустил свой поганый язык!»

– У меня, между прочим, имя есть! – Она сбросила руку Рыжего со своего плеча. – И на сегодняшний вечер у меня другие планы…

– Планы у нее, – пробурчал Рыжий, забираясь в «БМВ». –

Интересно какие? Стирка, уборка, а может быть, очередная тренировочка?.. Если так, то я вполне могу составить тебе компанию. Вместе покувыркаемся на батуте.

Пропустив мимо ушей откровенную пошлость, Тоня отошла к Сергею, который с озабоченным видом осматривал двор.

– На сегодня я свободна?

– Свободна, – буркнул тот. – Только подбросить тебя к дому я не смогу.

– Ну и ладно, – кивнула Тоня. – Доеду на автобусе… А вы долго собираетесь здесь торчать?

Сергей посмотрел на нее с таким выражением, словно она допустила бестактность.

– Будем торчать, сколько потребуется, – отрезал он и демонстративно отвернулся.

«И что я им такого сделала, что они все на меня окрысились? – с грустью подумала Тоня. – Почему любой, даже самый безобидный вопрос воспринимают в штыки?.. Если они с самого начала не хотели со мной работать, могли бы сказать об этом Гусеву».

В этот момент к Сергею подошел Валера.

– Серый, неплохо бы проверить вон ту квартирку. – Он глазами указал на окна двадцать пятого дома. – Рыжий, конечно же, балбес, но в одном он прав – оттуда удобно стрелять. А если квартира еще и пустует, то наш клиент – потенциальный покойник.

– Хотите, я проверю? – вызвалась Тоня и торопливо добавила: – Мне не трудно.

Валера смерил ее полным превосходства взглядом и покачал головой:

– Не надо. Сами справимся.

«Ну и справляйтесь, если такие умные!» – От обиды на глаза навернулись слезы. Конечно, пока у нее нет никакого опыта, но ведь опыт – дело наживное. Или эти остолопы уверены, что профессионального телохранителя можно угадать с пеленок?

Круто развернувшись и даже не попрощавшись, Тоня медленно пошла вдоль домов, направляясь к автобусной остановке.

– Завтра ровно в восемь в спортзале! – крикнул ей вслед Валера. – Не опаздывай!

Машинально кивнув, Тоня ускорила шаг. Настроение было хуже некуда. Теперь работа на вещевом рынке, где последние полгода она вкалывала как проклятая, показалась ей не такой уж и отвратительной. На рынке, чего греха таить, бывало всякое, но там по крайней мере коллеги относились к ней без этого хамоватого превосходства.

Однако с каждым шагом на душе у нее становилось спокойнее. Дневная жара наконец-то пошла на спад, и погода стояла замечательная – дул прохладный ветерок, по небу гуляли легкие облака. Настроение стало безмятежным и радостным. Злость и обида исчезли.

«Может, хотя бы одну остановку пройтись пешком? – подумала Тоня. – А по дороге заглянуть в какое-нибудь тихое кафе. Надо же спрыснуть свой первый рабочий день рюмочкой коньяка…»

Все еще не решив – стоит ли ей идти в кафе или нет, – Тоня подошла к киоску «Союзпечать». С обложки одного из дорогих журналов на нее смотрела мадам Заславская. Веселая, улыбающаяся, беззаботная бизнес-леди. Совсем не похожая на ту Людмилу Марковну, которую Тоня успела узнать.

«На снимке она выглядит гораздо моложе и красивее. Сразу видно, что фотограф, который ее снимал, – профессионал высокого класса… Видел бы он ее сегодня, в тот момент, когда она читала газету: лицо перекошено гримасой страха, в глазах полыхают дьявольские огоньки… Да, снимок получился бы сенсационный…» Тоне вдруг нестерпимо захотелось узнать, что же такого было написано в статье?

Она вытащила деньги и подошла к окошку киоска:

– Свежий номер «Московского комсомольца», пожалуйста, и десять талонов…

Ей вручили пахнущую типографской краской газету, и Тоня тут же просмотрела последнюю страницу. Странно, ничего особенного там не было – несколько грязных сплетен из жизни политиков и поп-звезд, некролог некогда известному журналисту Ивану Воскресенскому, который ушел из жизни в расцвете лет… И ни слова о чете Заславских.

«Интересно, от чего она потеряла самообладание? Неужто

этот Воскресенский был ее тайным любовником? – Тоня грустно улыбнулась. – Нет, такой поворот сюжета хорош лишь для мелодрамы. А мадам Людмила не столь сентиментальна, чтобы лить слезы из-за какого-то там журналиста. Даже если он был ее воздыхателем и покончил с собой из-за несчастной любви, она только вздохнула бы с облегчением». Тоня небрежно свернула газету и сунула ее в рюкзачок, решив, что ей нет никакого дела до чужих секретов.

Глава 4

Прилавки магазина, торгующего техникой фирмы «SONY», ломились от изобилия товаров. Создавалось впечатление, что сборочный цех известной японской фирмы находится не за тридевять земель от Москвы, а за углом, и телики и видики поступают сюда прямо с конвейера. Разнообразие моделей впечатляло. Как, впрочем, и цены, которые, дабы не шокировать публику, были проставлены в условных единицах.

В отличие от двух долговязых подростков, забредших в магазин с единственной целью – поглазеть, Олег пришел сюда за качественным диктофоном. Но стоило ему очутиться в этом маленьком техническом оазисе, как мысли закрутились совсем в другом направлении.

В торговом зале стояло около двадцати телевизоров, и с каждого экрана на Олега пялился Дмитрий Заславский. Тщедушный, как карлик, с круглыми глазами навыкате, он был настолько отвратителен, что Олег с трудом сдержался, чтобы со всего размаху не саданут кулаком по огромному экрану.

«Спокойно, Олег, спокойно! – мысленно приказал он себе. – Впервые за последние несколько лет у тебя появился реальный шанс расплатиться по счетам… Разве ты не за этим приехал? Так что отбрось все эмоции! Сейчас, как никогда,

тебе нужна холодная голова».

Олег вновь посмотрел на экран, усилием воли заставив себя слушать передачу. Известный ведущий, пригласивший в студию Заславского, судя по всему, работал в его же команде. Обычно желчно-въедливый, пытавшийся загнать собеседников в тупик своими вопросами, на этот раз он был предельно корректен. Минуты через три Олег был вынужден признать, что и сам Заславский держался неплохо. Он не пытался понравиться обывателю: не употреблял новомодных оборотов, типа «замочить», «забить стрелку», а говорил все больше о финансовых инвестициях, кредитах, налогах. Одет был стильно – серый пиджак, белая рубашка, грязно-мышиный галстук. Никакой показной роскоши. Сразу видно, что у него хорошие имиджмейкеры – слабые стороны умело замаскированы, сильные выставлены на всеобщее обозрение…

Олег тяжело вздохнул. Неудивительно, что восемь лет назад Людмила отдала предпочтение этому карлику. Она всегда умела смотреть в будущее. А какое будущее ждало ее рядом с Олегом Морозовым, только-только закончившим медицинскую академию? Правильно, никакого. Уже тогда Людмиле не нравилось увлечение Олега психиатрией. Вот если бы он специализировался на венерологии или мануальной терапии, тогда, возможно, у него был бы шанс.

Боль и тоска, которые последние восемь лет Олег пытался заглушить, вспыхнули с новой силой. Только теперь он понял, что чувствовал бы себя гораздо счастливее, если бы се-

мейная жизнь Людмилы не удалась.

– Вас что-нибудь интересует? – прямо над ухом зажурчал ласковый голосок.

Олег обернулся. Рядом стояла высокая длинноногая девушка в стильном темно-синем костюме – продавец-консультант. Девушка была чертовски хорошенькой, и при других обстоятельствах Олег не упустил бы своего шанса. Но сейчас ему было не до флирта.

«Черт побери, сервис становится чересчур навязчивым, – подумал он с раздражением. – Хотя сам виноват – непростительно долго пялился на экран, чем и привлек к себе внимание».

– Это очень хорошая модель, – продолжала наседать продавщица. – И стоит всего тысячу пятьсот у.е. А хотите посмотреть рекламный проспект? Там есть модели, которые вы можете заказать…

– Меня не интересуют телевизоры! – не сдержавшись, рявкнул Олег.

И тут же пожалел, что сорвался. Разве эта симпатичная худышка виновата в его проблемах? Он хотел было извиниться, но не успел – продавщица быстро ретировалась, и он остался один на один с двадцатью улыбающимися Заславскими. У всех двадцати губы двигались, как пиявки, а изо рта, словно лягушки, вылетали набившие оскомину обещания – о коэффициенте экономического роста и как следствии – повышении уровня жизни, прибавке к пенсиям и

зарплатам. Изогнутое движение пиявками – бах, лягушка… Пиявка – еще одна лягушка… От этого тошнотворного зрелища Олега стало слегка поташнивать. Чем дольше он вглядывался в экраны телевизоров, тем больше крепло убеждение, что нормальные люди давно вымерли, а в мире остались только тщедушные карлики в дорогих костюмах, карманы которых набиты зелеными бумажками, именуемыми у.е.

Он резко развернулся и почти бегом бросился к выходу. Нет, так продолжаться не может. Восемь лет назад этот мудак увел у него из-под носа невесту, после чего вся жизнь пошла наперекосяк. Чтобы забыть Людмилу, Олегу пришлось уехать из Москвы. Все эти восемь лет он мотался по «горячим точкам» – оперировал, вправлял вывихи, зашивал раны. И, чего греха таить, убивал людей. Ведь там, куда его бросала судьба, приходилось жить по особым правилам…

На улице Олег немного успокоился. Посмотрел на часы и с досадой поморщился – пять минут назад он должен был встретиться с Петькой Пахомовым, своим бывшим сокурсником. Кто-кто, а Петька терпеть не мог непунктуальных людей. Тем более что встречу назначил сам Олег. И на тебе – опоздал!

Заметив такси, проезжавшее мимо, Олег махнул рукой. Слава богу, такси остановилось. Забравшись в салон, назвал адрес:

– Загородное шоссе, два.

– Это психушка, что ли? – уточнил водитель.

– Так и есть. Иду сдаваться. – Только увидев, как вытянулось лицо водителя, Олег понял, что пошутил неудачно.

«А ведь я и вправду похож на психа, – усмехнулся он, взглянув на себя в зеркальце. Воспоминания восьмилетней давности здорово измотали его – в глазах появился нездоровый блеск, четко обозначились носогубные складки. – Да и побриться не помешало бы, – Олег провел ладонью по подбородку. – С юношеским имиджем пора завязывать. Как-никак, скоро тридцать восемь стукнет…»

Машина остановилась рядом с воротами, ведущими на территорию психиатрической больницы имени Кащенко. Расплатившись с таксистом, Олег выбрался из салона. Ворота были заперты. Он подошел к будке охранника и постучал по стеклу.

– Чего надо? – рявкнул охранник – высокий мордастый парень. – Сегодня неприемный день!

– Я к Пахомову, – пояснил коротко. – Он ждет.

Охранник уставился в журнал записей:

– Фамилия!

– Морозов Олег Михайлович.

– Паспорт!

Олег протянул в окошко свой паспорт. Охранник изучал его не меньше пяти минут. Словно не умел читать по-русски. У Олега закралось подозрение, что администрация больницы экономит на персонале, а на ворота ставит идущих на поправку больных. Вполне реальная ситуация, исходя из ны-

нешней действительности.

Наконец охранник снял трубку внутреннего телефона. Набрал несколько цифр и что-то пробубнил. Ворота поползли в разные стороны.

– Проходи, – буркнул совсем недружелюбно. – Второй этаж, двадцать пятый кабинет.

– Знаю, – кивнул Олег, забирая протянутый ему паспорт.

Петькин кабинет он нашел быстро. Хотя спросить было не у кого – ни в вестибюле, ни в коридоре ему не встретилось ни единой живой души. Было бы странно, если бы по коридорам спокойно разгуливали больные. Но вот почему здесь не было ни медсестер, ни санитаров, ни врачей? Неужели такая текучесть кадров? Лет десять назад, когда Олег проходил в этой больнице ординатуру, здесь было гораздо оживленнее…

Оказавшись перед дверью, на которой висела табличка: «Зам. главного врача Пахомов П. П.», Олег на всякий случай постучал.

– Войдите! – раздался знакомый голос.

Олег толкнул дверь и переступил порог. И едва не ахнул от изумления – Петька Пахомов, пышной шевелюре которого некогда завидовали даже девчонки, стал почти лысым. Его макушка сверкала на солнце, как новенький пятачок. О былом великолепии напоминали лишь небольшие кустики растительности за ушами, нелепо торчащие в разные стороны.

По-видимому, потеря волос сказалась и на Петькином характере: он наконец-то перестал корчить из себя «звезду

психиатрии» – бросился к Олегу с распростертыми объятиями. На его лице светилась самая искренняя улыбка. Не вызывало сомнений, что Петька рад встрече.

«Странно, – подумал Олег, пожимая влажную Петькину ладонь. – Неужели это тот самый Петька-карьерист, который никогда в жизни ничего не делал просто так?.. Его не узнать, ей-богу! Неужто жизнь так пообломала?»

Но не прошло и минуты, как Олег усомнился в правильности своих выводов.

Продолжая трясти его руку, Петька с самой что ни на есть ангельской улыбкой заявил:

– Ну, Морозов, ты в своем репертуаре: джинсы, кроссовки, трехдневная щетина и… как всегда, с опозданием.

– Так получилось, – усмехнулся Олег.

– Неудивительно, что ты все еще не у дел… Ну, я все равно рад тебя видеть. Давно вернулся?

– Недели две назад.

– Навсегда?

Чуть помедлив, Олег кивнул.

– Надеюсь.

– Чем думаешь заняться?

– Хочу устроиться к тебе на работу.

– Не понял… – От удивления Петька открыл рот и сразу стал похож на птенца, только что вылупившегося из яйца.

– У тебя со слухом плохо? Хочу поработать в психиатрической больнице имени Кащенко, – повторил Олег.

– Морозов, ты сошел с ума! Это я тебе, как врач, говорю. – Петька вцепился в остатки волос на своей голове и почти с ужасом произнес: – От нас люди бегут, как крысы с тонущего корабля, а ты «поработать». Ты хоть знаешь, какая у нас зарплата?

– Меня это мало волнует. А ты, как заместитель главного врача, должен быть заинтересован в том, чтобы в твоей клинике работали хорошие специалисты. Или ты считаешь, что я уже ни на что не гожусь?

Петька тяжело вздохнул.

– В том-то и дело, что годишься. Как вспомню твою диссертацию по парапсихологии, завидую белой завистью… Жаль, что ты так и не успел ее защитить.

– Ну, сейчас-то чего жалеть? – широко улыбнулся Олег. – Не защитил, ну и хрен с нею. Ты не сказал самого главного – берешь меня к себе или нет?

– Беру. Только надо главврача поставить в известность. Он у нас мужик суровый. Не любит, когда через его голову прыгают. – Петька снял телефонную трубку и набрал номер. – Владимир Михайлович?.. Здравствуйте. Пахомов беспокоит… По какому вопросу? По поводу трудоустройства… Да нет, не моего. Тут к нам парень на работу просится… Да, знаком. Мой бывший сокурсник, Олег Морозов. В свое время учился в аспирантуре у Довгялова… Помните? – Петька прикрыл телефонную трубку и возбужденно прошептал: – Представляешь, он тебя помнит! – И с удивительным про-

ворством вновь переключился на разговор с шефом: – Да-да, Владимир Михайлович. Мы идем к вам… Да, немедленно… – Опустил трубку на рычаг и посмотрел на Олега сияющими глазами. – Ну что, Морозов, интуиция мне подсказывает, что скоро мы с тобою будем собратьями по несчастью. Ты как, не передумал?

– Ты же знаешь, психи – моя слабость.

– Тогда пошли к шефу! – Петька быстро собрал со стола валявшиеся в беспорядке бумаги, сунул их в сейф, который тут же запер, и уверенным шагом двинулся к выходу.

Он несся по коридору так стремительно, что Олег едва поспевал за ним. Откуда у тщедушного Петьки взялось столько прыти, можно было только гадать. Возможно, его воодушевило то, что Олег Морозов будет работать вместе с ним? А может, за долгие годы, проведенные бок о бок со своими пациентами, Петька и сам стал психом? Лет восемь назад он был менее нервным и суетливым. Даже ходил чинно, как на параде. Вырабатывал солидный имидж. «Петька-профессор» – так называли его в медицинской академии. Он и вправду собирался сделать сногсшибательную карьеру, и сделал бы, если бы не семейные обстоятельства. Поговаривали, что его бывшая жена была еще той стервой и Петька вместо того, чтобы долгими зимними вечерами корпеть над диссертацией, был вынужден стирать пеленки, варить кашки, а ближе к полуночи – нестись сломя голову на вокзал разгружать вагоны. Денег все равно не хватало, и в конце

концов его женушка, прихватив с собой пятилетнюю дочь, сбежала к «новому русскому».

«Странно, что после такого удара Петька окончательно не свихнулся, – подумал Олег. – Впрочем, трудности закаляют и побуждают к действию. Это я знаю из собственного опыта… Что ж, можно считать, что первый этап успешно преодолен – я вот-вот стану полноправным членом этого „сумасшедшего“ коллектива. Теперь самое главное – прийтись по душе „суровому мужику“ Владимиру Михайловичу…»

Петька наконец закончил свой бесконечный марафон по длинным коридорам, остановившись перед дверью, на которой висела табличка «Главврач В. М. Лычагин».

– Сейчас ты познакомишься с такой очаровательной девушкой! – шепотом предупредил он Олега. Распахнул дверь и ворвался в приемную, словно за спиной у него развевались крылья. – Аллочка, солнышко, привет! Как дела?

На Аллочку – белокурое создание невероятных размеров – их неожиданное появление не произвело никакого эффекта. С олимпийским спокойствием она продолжала жевать бутерброд с колбасой. Даже когда Петька чмокнул ее в зефирную щечку, Аллочка лишь повела пухлыми плечиками. Олега она не удостоила даже взглядом.

«Видимо, я не в ее вкусе», – вынужден был признать он, но ничуть не расстроился. Ему всегда нравились миниатюрные брюнетки, а Аллочка (то ли секретарша, то ли ассистентка Лычагина) была огромной, белой, мягкой и напоминала

немецкую куклу-младенца из его детства. Лет двадцать пять назад такой куклой играла его двоюродная сестренка – надевала ей ползунки, усаживала за столик и кормила кашей, сделанной из мокрого песка. «Каша» размазывалась по резиновому кукольному личику, стекала на ползунки, а сестренка твердила, как заезженная пластинка: «Кушай, маленькая дрянь, кому сказала!» С тех пор Олег испытывал стойкое отвращение и к кашам, и к типу женщин, у которых были ямочки на щеках, белокурые кудряшки и пухлые наманикюренные пальчики.

А вот Петьке, похоже, толстушки нравились. Он обхаживал Аллочку, как истинный идальго – красиво и старомодно. Вначале сунул шоколадку, затем разрядился целой речью, главный смысл которой сводился к тому, что сегодня Аллочка как никогда хороша. Слушая эту белиберду, Олег грешным делом подумал, что Петька забыл, зачем они здесь. Как оказалось, нет. Когда Аллочка, отставив в сторону стакан с чаем, принялась снимать с шоколадки обертку, Петька наконец-то перешел к делу:

– Солнышко, познакомься. Это – Олег Морозов. Мой бывший однокурсник.

– Очень приятно, – равнодушно сказала Аллочка на удивление мелодичным голоском.

– Девяносто процентов из ста, что он будет работать у нас.

– Правда? – В глазах Аллочки появились искорки интереса. – А почему девяносто?

– Последнее слово за Владимиром Михайловичем. Кстати, он ждет нас.

Аллочка посмотрела на дверь, ведущую, по всей видимости, в кабинет главврача, и медленно кивнула:

– Он предупреждал… Заходите!

– Ты прелесть! – Пахомов послал ей воздушный поцелуй, затем метнулся к двери, открыл ее и громко спросил: – Можно, Владимир Михайлович?

– Прошу! – донеслось из глубины кабинета.

Владимир Михайлович Лычагин представлялся Олегу этаким грозным самодуром. Каково было его удивление, когда, переступив порог, он увидел худенького пожилого дядечку с копной седых волос, обрамлявших птичье лицо на манер львиной гривы. Крупный костистый нос отливал всеми оттенками цвета бордо, и это наталкивало на мысль, что главврач психиатрической клиники не равнодушен к крепким алкогольным напиткам.

С трудом подавив вздох облегчения, Олег поздоровался.

– Заходите, садитесь! – чинно кивнул Лычагин.

– Владимир Михайлович, это тот самый Морозов… – начал было Петька, но шеф бросил в его сторону столь выразительный взгляд, что Петька осекся на полуслове.

– Петр Петрович, вы свободны. Я поговорю с Морозовым сам.

Петька судорожно сглотнул и попятился к выходу. Когда за ним закрылась дверь, Лычагин сложил руки на животе и

уставился на Олега маленькими небесно-голубыми глазками. Пауза тянулась минуты три, затем тонкие губы Лычагина тронула язвительная усмешка.

– Так вот вы какой, Олег Михайлович Морозов! – произнес он и тут же спросил: – Скажите, почему вы вдруг решили устроиться к нам? На нашу зарплату, скажу я вам, с девушкой в ресторане не погуляешь. А если и погуляешь, то целый месяц потом будешь лапу сосать. – Собственная шутка так понравилась Лычагину, что он довольно громко хихикнул.

– Точно такой же вопрос я могу задать и вам! – парировал Олег.

– Ну, я – старик, и мне не надо водить девушек по ресторанам… Впрочем, вы правы, вопрос дурацкий. Я прекрасно помню вашу статью, напечатанную в журнале «Здоровье» лет десять назад. Лично я не причислял себя к вашим сторонникам, но, прочитав ее, сразу понял, что вы – психиатр от бога… Кстати, почему вы забросили науку? Из вас мог бы получиться второй Гарри Салливен.

– Громко сказано, – усмехнулся Олег. – К тому же я никогда не хотел быть вторым.

– Ради бога, простите! – Лычагин вскинул вверх свои сухенькие ручки и смешно потряс ими над головой. – Я не хотел вас обидеть… А что касается работы в нашем милом заведении, то я не прочь заполучить вас. Но если быть до конца откровенным, мне не совсем ясно: почему вы предпочли нас, а не платную клинику? Там же зарплата раз в двадцать вы-

ше! Объясните мне, глупому старику, где тут собака зарыта.

– У меня есть кое-какие сбережения. На первое время хватит, а там посмотрим… К тому же, как говорил покойный профессор Довгялов, настоящий ученый должен быть злым и голодным. Только тогда он способен открыть что-то новое.

Лычагин вновь рассмеялся. С каждой минутой он нравился Олегу все больше и больше. Милый, забавный старичок. И на первый взгляд совсем безобидный.

«Интересно, чего Петька его так боится?»

– Пишите заявление о приеме на работу. – Лычагин протянул Олегу листок бумаги. – Надеюсь, трудовая у вас с собой?

– С собой. Диплом тоже.

– Заявление и трудовую оставьте у секретарши. Копию с вашего диплома она сделает сама. И, молодой человек, завтра можете приступать к своим обязанностям. Начало рабочего дня в девять. Раз в неделю – ночное дежурство. Медицинские карты ваших пациентов возьмете у Пахомова. С коллегами познакомитесь в процессе…

Олег вытащил из кармана ручку и, придвинувшись к столу, аккуратно вывел в верхнем правом углу: «Главврачу Первой психиатрической больницы им. Кащенко Лычагину В. М.».

«Воистину исторический момент: Морозов устраивается на работу в психушку, – с улыбкой подумал он. И тут же засомневался: – А может, я поторопился? Может, мне вообще

не стоило связываться с этой больницей?.. Ведь, как ни крути, я не смогу работать здесь с полной отдачей. Да что греха таить, я вообще не собираюсь здесь задерживаться. Хорошо, что Лычагин об этом не догадывается…»

Боясь передумать, он быстро написал заявление и протянул его Лычагину. Тот, водрузив на нос очки, углубился в чтение. Затем широко улыбнулся:

– Ну-с, дело сделано – я заполучил хорошего специалиста. Как жаль, что наши пациенты не смогут по достоинству оценить мои усилия… В любом случае, за их души я теперь почти спокоен!

Олег так и не понял – шутит Лычагин или говорит серьезно. Но на всякий случай скривил губы в некое подобие улыбки.

«Только вот кто вылечит мою душу? – подумалось вдруг. – Во мне ведь не осталось ни доброты, ни сочувствия. Только ненависть и жажда мести. – Олег сжал зубы и мотнул головой. – Врешь, ты еще не совсем конченый человек. Ты еще способен на сильные чувства – любовь и надежду. А иначе как объяснить твои бессонные ночи, твое волнение при виде каждой девушки, чем-то неуловимо похожей на Людмилу… Ты ведь надеешься, что рано или поздно она вернется к тебе. Только для этого надо не сидеть сложа руки, а действовать…»

Олег вышел из кабинета Лычагина, весело подмигнул Аллочке, которая на этот раз соизволила снизойти до улыбки,

и, удивленно оглядевшись, спросил:

– А где Петька?

– Петр Петрович? – невозмутимо уточнила та и с видимым превосходством сообщила: – У себя.

– Почему же вы его отпустили, молодого и неженатого?

Аллочка поджала пухленькие губки, отчего на ее щеках заиграли ямочки, и неожиданно отразила удар:

– Потому что он – форменный осел.

– О! – только и сумел сказать Олег, кладя на стол свое заявление и трудовую книжку.

Аллочка мгновенно напустила на себя деловой вид и сразу стала похожа на злого херувима. Олег, пробормотав что-то невразумительное, быстро ретировался из приемной…

Он блуждал в лабиринтах коридоров лечебницы около получаса, мысленно проклиная Петьку, который не удосужился его подождать, пока наконец не встретил симпатичную медсестричку в коротком халатике. Узнав, что Олег – новый сотрудник больницы, медсестричка вызвалась помочь.

Через пару минут Олег вновь стоял перед кабинетом Пахомова, мысленно удивляясь собственной рассеянности: оказывается, за время блуждания по коридорам он раз пять проходил мимо этой двери.

На всякий случай он постучал и, услышав в ответ: «Заходите!», толкнул дверь. Переступив порог, Олег застал удручающую картину: его друг сидел на подоконнике и с повышенным интересом разглядывал свои ботинки. В этот мо-

мент он был мало похож на заместителя главного врача психиатрической больницы. Скорее на пациента с диагнозом «скрытая шизофрения».

– Ты чего такой смурной? – удивился Олег. – Нет бы, порадовался за меня!

– Поздравляю, – выдавил из себя Петька, не поднимая глаз.

– С завтрашнего дня приступаю к работе… Эй, может, объяснишь толком, что произошло? Буйный пациент сбежал?

– Что?.. Да нет! Отсюда сбежать не так-то просто.

Олег подошел к Петьке и сел рядом. Положил руку на плечо и спросил:

– Может, поделишься с коллегой своими трудностями? Вдруг дам хороший совет… Я, как-никак, психоаналитик со стажем. Помнишь, как ребята ко мне в очередь записывались, чтобы снять стресс?

Напоминание о студенческих годах вывело Петьку из почти аморфного состояния. Он даже нашел в себе силы улыбнуться.

– Да, психоаналитик ты был славный. Я тогда только удивлялся – откуда в тебе столько положительной энергетики?

– Почему «был»? И моя энергетика никуда не делась… Ну-ка, ляг на кушетку и расслабься… Можешь закрыть глаза, если тебе так легче.

Петька снял ботинки и послушно вытянулся на кушетке.

Предварительно вымыв руки, Олег сел рядом и провел ладонями вдоль Петькиного лица, не прикасаясь к нему. В кончиках пальцев появилось легкое покалывание.

– О, да ты натянут, как струна!.. Ну-ка, подумай о чем-нибудь хорошем! Представь, к примеру, что тебе в два раза повысили зарплату.

Петька широко заулыбался, легкое покалывание в пальцах исчезло.

– Ну вот, так гораздо лучше. – Олег опустил ладонь на его лоб и тихо, но властно приказал: – Давай выкладывай, что тебя волнует!

– Понимаешь, Олег, тут такое дело… – с натугой произнес Петька. – Кто я, а кто она? Я – неудавшийся ученый, деньги зарабатывать не умею, квартира у меня однокомнатная… Был женат. А она – красавица, умница, каких свет не видел. А готовит как! Пальчики оближешь!

«Воистину шекспировские страсти, – усмехнулся Олег. – Неужели он влюблен в это огромное белокурое чудовище?»

– Ты имеешь в виду роскошную блондинку Аллочку? – уточнил осторожно.

– Ее.

– В таком случае, у тебя есть шанс завоевать ее большое и доброе сердце.

Не заметив в его словах иронии, Петька искренне обрадовался. У него даже лицо посветлело. Но, как все влюбленные, он был недоверчив, поэтому спросил:

– А с чего ты решил?

– С того, что она тоже влюблена в тебя. Только ты, болван этакий, ничего не замечаешь. Ты ведь жених хоть куда. Непривередлив, умен. Пусть зарабатываешь мало, зато тобой не заинтересуется налоговая инспекция. А что до того, что ты был женат, так это ошибка молодости. Но с женой ты развелся по-человечески – без скандалов и взаимных упреков. Или нет?

– Так-то оно так, но… Я жутко боюсь, что она мне откажет.

– Волков бояться – в лес не ходить. – Олег посмотрел на часы и решительно скомандовал: – Все, на сегодня сеанс психотерапии закончен. Вставай, лентяй!

Петька открыл глаза и широко заулыбался:

– Черт побери, а ведь в самом деле полегчало! Руки у тебя, Морозов, ей-богу, волшебные. Тебе бы не в нашей психушке работать, а открыть собственный кабинет. И снимать стрессы у «новых русских».

– Да пошли они… Ты же знаешь, что у меня стойкая аллергия на представителей этого класса… Между прочим, как твой личный психоаналитик я прописываю тебе ужин в ресторане. И не вздумай отказываться. Я приглашаю.

– Но я не могу пойти! Честное слово!

– Если не ошибаюсь, твой рабочий день закончился?

– Закончился, – кивнул Петька, вставая. – Пятнадцать минут назад…

– Тогда какие проблемы?.. Постой, я, кажется, знаю – ты хотел проводить Аллочку до автобусной остановки!

Петька густо покраснел, и Олег понял, что попал в точку.

– Для разнообразия можно изменить программу. – Олег поднял вверх указательный палец. – И не только можно, но и нужно – крепче любить будет! Поблизости есть какое-нибудь приличное заведение?

– Нет, – уныло ответил Петька. – К метро идти надо… Впрочем, я не прав – за углом есть кафе. Называется «Бункер». Отсюда – пять минут ходьбы. Я там, правда, ни разу не был…

– Что ж, «Бункер» так «Бункер». Веди, Сусанин! А по пути выработаем стратегию, как сделать так, чтобы твое сватовство увенчалось успехом.

– А как же Аллочка? Может, и ее пригласить?

– Никаких Аллочек. Сегодня у нас мальчишник!

* * *

Кафе с претенциозным названием «Бункер», куда Петька привел Олега, мало напоминало место, где можно было неспешно и вкусно пообедать. Напиться – да. Завести сомнительные знакомства – тоже запросто. Получить по физиономии – вполне реально. А вот выпить хорошего коньяку за неторопливой беседой, увы, не представлялось возможным. Все бы ничего, если бы не компания наголо стриженных пар-

ней, занявших два лучших столика. Стриженые вели себя как полноправные хозяева – фамильярничали с официантками, громко хохотали, а бычки от сигарет бросали прямо на пол. Кроме них, в зале находилось еще человек пять посетителей, которые, похоже, очень жалели, что вовремя не сделали ноги. Наслаждаться обедом под гиканье и матерщину вдрызг пьяных бритоголовых мог только умалишенный.

«Может, уйти, пока не поздно?» – подумал Олег и вопросительно посмотрел на Петьку. Но тот, похоже, был настолько поглощен мыслями о своей пассии, что не замечал ничего вокруг. Широким шагом он направился в глубь зала и занял один из свободных столиков. Олегу не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Из состояния прострации Петьку вывело появление официантки. Увидев ее, он откровенно занервничал – уж больно колоритной была девушка, подошедшая к их столику. Она явно не жалела денег на косметику и парфюмерию, а вот что касается форменного платья – так ткани на его пошив можно было бы взять и побольше. На груди платье едва сходилось, выставляя на всеобщее обозрение самые интимные места, сзади едва прикрывало ягодицы… Столь откровенный наряд мог шокировать кого угодно, но только не его обладательницу. Совершенно спокойно она протянула Олегу меню и, очаровательно улыбнувшись, спросила:

– Что будете заказывать?

Тот быстро просмотрел ассортимент блюд:

– А что вы посоветуете?

– Я же не знаю ваших вкусов, – кокетливо улыбнулась официантка.

– Ну, что-нибудь горячее… Отбивную, например.

– Берите куриную. Она свежая… Какой гарнир? Картофель фри вас устроит?

– Вполне. И две порции салата… Теперь спиртное. Марочный коньяк у вас имеется?

– Бутылку?

Петька, до этого не подававший признаков жизни, энергично замахал руками.

– Мне пятьдесят граммов!

– Два по сто, – подытожил Олег, не обращая внимания на протестующие Петькины возгласы. – И два кофе по-восточному.

Официантка сделала пометку в своем блокнотике и, демонстративно виляя бедрами, неспешно удалилась в сторону кухни. Проводив ее взглядом, Петька с удивлением огляделся. И наконец-то понял, что обстановка в «Бункере» весьма далека от идеала.

– Прости, Морозов, что притащил тебя сюда! – нервно зашептал он. – Клянусь, не знал, что тут такой гадюшник! Сто раз проходил мимо, все собирался заглянуть, да как-то не решался… Но даже в страшном сне мне не могло привидеться, что тут такое!

– Не извиняйся. – Олег махнул рукой. – Просто не обра-

щай на них внимания. Сейчас выпьем, закусим, расслабимся, и нам будет все до фени… Кстати, ты заметил, что наша официантка положила на тебя глаз…

Несмотря на статус «безнадежно влюбленного», намек на то, что им все еще интересуется противоположный пол, был Петьке приятен. Он смущенно зарделся и принялся судорожно прихорашиваться – поправил галстук, пригладил остатки волос. Олег был рад, что хотя бы пару минут может отдохнуть от повествования о коварной обольстительнице Аллочке. Признаться, Петька его уже порядком достал.

«Неужели и я становлюсь таким занудным, когда начинаю говорить о Людмиле? – с грустью подумал он и тут же одернул себя: – Но я же ни с кем не обсуждаю свои проблемы… Разве что с самим собой…»

Чтобы отвлечься от тягостных мыслей, Олег переключил внимание на шумных посетителей. Только сейчас он заметил, что бритоголовые одеты в полувоенную форму со странной свастикой. Вне всякого сомнения, для этой публики существовал только один образец для подражания – Адольф Гитлер.

«Если нынешняя молодежь поклоняется „коричневым“, то что ждет Россию лет через десять? – подумал он. – Очередная попытка завоевания Европы?» Его взгляд скользнул дальше, к бару, и остановился на тоненькой черноволосой девчонке, одетой скромно – в потертые джинсы и майку. Девчонка сидела на высоком стуле, тянула через соломинку

коктейль и выглядела до того беззащитной и одинокой, что у Олега защемило сердце. Много лет назад он точно так же любовался профилем другой девушки, только не темненькой, а рыжеволосой, и когда та обернулась и посмотрела ему в глаза, понял, что влюбился…

На этот раз ситуация повторилась с точностью до нюансов – девчонка, почувствовав его взгляд, обернулась и… Олег едва сдержал вздох разочарования. Она была вполне привлекательной, но совершенно не похожей на Людмилу. Смуглое узкое лицо, созданное для целой гаммы эмоций, но странно застывшее, глубоко посаженные синие глаза, ярко очерченные губы. Олег тщетно прислушивался к себе – нет, в груди ничего не екнуло. Глаза незнакомки оставили его равнодушным. А жаль…

«Хватит гоняться за синей птицей», – мысленно приказал он себе и отвел взгляд. В этот момент принесли заказ. Отбивная выглядела вполне съедобно, но вот картофель фри был явно пережарен. Что же касается салата, то у Олега сложилось впечатление, что его уже ели. Пока он с недоверием разглядывал содержимое своей тарелки, Петька успел оприходовать свою порцию.

– Ну и как? – поинтересовался Олег. – Вкусно?

– Вполне, – довольно улыбнулся Петька. – Конечно, с Аллочкиной стряпней не сравнить, но…

За многозначительным «но» последовала пятиминутная речь о том, какие чудесные отбивные получаются у Аллоч-

ки. Эту галиматью Олег почти не слушал. Когда же Петька исчерпал запас красноречия, поднял рюмку и предложил:

– Выпьем?

– Можно я скажу тост?

– А почему бы и нет?

– Давай выпьем за то, чтобы в твоей личной жизни все складывалось как нельзя луч… – Петька не успел договорить – со стороны бара послышался шум.

Олег повернул голову и удивленно вскинул брови – за те несколько минут, пока Петька читал лекцию о вкусной и здоровой пище, у синеглазой смуглянки возникли серьезные проблемы. Двое бритоголовых подростков из компании неофашистов решили перетянуть ее за свой столик. Уточнить, согласна ли девушка, они, конечно же, забыли. А может, не посчитали нужным. Просто подошли, подхватили под руки и попытались стащить с высокого стула. Девчонка, естественно, возмутилась, но подвыпившим «кавалерам» было на все наплевать. Ее сопротивление их только раззадорило.

Олег колебался не более секунды. Если он не вмешается, то до конца жизни будет мучиться угрызениями совести. Он резко отодвинул стул и решительно двинулся к стойке бара. Пока шел, пробираясь между столиками, одному из молодчиков удалось схватить девчонку за талию. Под хохот и одобрительные возгласы собутыльников из зала он пытался поцеловать ее в губы.

Подойдя вплотную, Олег как бы ненароком толкнул бри-

тоголового в плечо. От неожиданности тот ослабил хватку. Девчонка ловко вывернулась из его объятий, отскочила в сторону и бросилась к выходу. Бритоголовый метнулся за ней, но споткнулся о ногу Олега, которая «случайно» оказалась на его пути. Поняв, что добыча упущена, бритоголовый разозлился не на шутку. И, естественно, тут же нашел виноватого.

– Что, дядя, жить надоело? – взвился он, дыхнув перегаром Олегу в лицо. – Хочешь схлопотать по морде?

– Прошу прощения, но за что?

– Идиот… Не фиг своими граблями размахивать!

– Извините, молодой человек, но я не нарочно. У меня болезнь Паркинсона.

– Чево? – бритоголовый уставился на него, как на идиота.

– Ты что, никогда не слышал о такой болезни?.. – Олег широко улыбнулся. – О, значит, у тебя все еще впереди! Если будешь так нервничать, то скованность движений, дрожание рук и ног, нарушение походки тебе обеспечены… А если атеросклероз поразит подкорковые ядра головного мозга…

– Заткнись! – взревел бритоголовый и помотал головой, надеясь таким образом привести в порядок свои мозги. – Сдается, дядя, что ты мне лапшу на уши вешаешь, – наконец изрек он и демонстративно засучил рукава куртки. – И знаешь, что я сейчас с тобой сделаю?.. Вправлю твои подкорковые ядра на место!

Ввязываться в драку Олег не собирался, хотя все шло

именно к этому. Сделав шаг назад, он принял боксерскую стойку, прекрасно осознавая, что на победу у него нет никаких шансов. С одним отморозком он бы справился, но вряд ли его дружки будут удовлетворены ролью сторонних наблюдателей. Навалятся скопом на одного и изобьют так, что мало не покажется.

«Ну и ввязался же я в историю, – с тоской подумал Олег. – Вот до чего доводит джентльменство… Хорошо, что эти козлы с собой пистолеты не таскают. Иначе мне труба…»

Сказать честно, он рассчитывал, что кто-нибудь из посетителей предложит ему свою помощь. К сожалению, дураков не нашлось. И охранники, как назло, вышли на перекур…

Первый удар Олег успел заблокировать, а вот второй – пропустил. От боли перед глазами замелькали светящиеся точечки. Только чудом ему удалось удержаться на ногах. Он даже попытался броситься на противника, но тот успел перехватить его запястье. От удара в солнечное сплетение у Олега перехватило дыхание. Он согнулся пополам и начал судорожно хватать ртом воздух. Бритоголовый и его дружок повалили Олега на пол и принялись молотить его ногами, норовя попасть в пах.

«Это конец!» – успел подумать он прежде, чем сознание покинуло его…

* * *

Очнулся Олег от осторожного похлопывания по щекам. Открыл глаза и увидел перед собой густой молочный туман. Постепенно из белой дымки выплыло виноватое лицо Петьки.

– Ну и напугал же ты нас! – на удивление бодро сказал Петька. – Ну как, герой, подняться сможешь?

Все еще ничего не соображая, Олег сел и огляделся. Они по-прежнему находились в кафе, только на этот раз в зале почти никого не было. Голова гудела так, словно вчера он напился до чертиков. Во рту стоял привкус крови, но все зубы, слава богу, были целы. Облизнув пересохшие губы, он сглотнул слюну и попытался улыбнуться. Улыбка вышла кривой и неискренней, но Петька обрадовался.

– Вижу, жить будет! – заявил он почему-то в сторону.

– И не надейтесь! – парировал Олег и встал. Его повело, и если бы не Петька, вовремя подставивший плечо, он бы не удержался на ногах.

Знакомая официантка услужливо пододвинула стул. Со всего размаху Олег опустился на него и тихо выругался. Давненько он не чувствовал себя так хреново – все тело болело, словно сплошной синяк. Особенно беспокоил правый глаз – им Олег почти ничего не видел. Да и локоть левой руки саднил, словно с него живьем содрали кожу.

Поманив Петьку, который тут же оказался рядом, попросил:

– Тряхни стариной, вспомни офтальмологию… Правый – ни хрена не видит…

Петька заставил его повернуться к свету и, осторожно приподняв веко, принялся внимательно изучать поврежденное место.

– Все в порядке, старик, – наконец изрек он. – Заплыл от удара, есть маленькая гематома, но глазное яблоко вроде бы не повреждено.

Олег вздохнул с облегчением: гематома – это не смертельно. Через недельку сойдет как миленькая. Единственная проблема – как в таком виде идти на работу? Только устроился, и на тебе!

– Надо приложить что-нибудь холодное, – посоветовала официантка и, взяв со стола стеклянный графин с водкой, протянула его Олегу.

– Если уж лечиться, то старым дедовским способом, – Олег взял графин и сделал большой глоток. Спиртное обожгло нёбо, но через пару секунд разлилось по телу приятным теплом. Стало значительно лучше – и морально, и физически.

– Вижу, вы крепкий орешек! – послышалось откуда-то сбоку. – Но мне кажется, водку пить все же не стоило…

Среагировав на незнакомый голос, Олег с трудом повернул голову и узнал ту самую девчонку, из-за которой разго-

релся сыр-бор. Оседлав стул, смуглянка сидела в каких-то двух шагах от него и приветливо улыбалась. Только в темно-синих глазах плескалась тревога.

«Странно, что она еще здесь, – подумал Олег. – Мне казалось, она смылась до начала потасовки…» На всякий случай он зажмурился и вновь открыл глаза. Девчонка никуда не исчезла.

– Голова не кружится? – спросила она и, изящно изогнувшись, приложила свою тонкую ладонь к его лбу.

От ее прикосновения у Олега в самом деле закружилась голова. С трудом разлепив пересохшие губы, он хрипло прошептал:

– Да не волнуйтесь вы так, до свадьбы заживет…

– До чьей свадьбы? До моей или до вашей? – Прохладная рука переместилась на его запястье.

– До нашей… – Олег понимал, что ведет себя глупо, но водка развязала ему язык. – Кстати, забыл спросить – вы замужем?

Отвечать на этот идиотский вопрос девчонка явно не собиралась. Лишь загадочно улыбнулась и пожала плечами, дескать, понимай, как тебе удобнее.

– На вашем месте я бы обратилась к врачу. Вы так ударились головой, что могли получить сотрясение.

– Я сам доктор. И лечить больные головы – моя специальность… Кстати, а куда подевались ваши обидчики? Неужели я их так напугал?

– Вполне возможно. Они те еще трусы! – Девчонка отпустила его запястье и посмотрела на часы. – Пульс в норме, жить будете… Кстати, забыла сказать вам спасибо. Но, честное слово, не стоило вмешиваться. Теперь я чувствую себя виноватой… – Не договорив, она повернулась к окну – среагировала на шум машины. – Кажется, пришло мое такси, – с улыбкой сообщила она и попрощалась: – Всем пока! Приятно было познакомиться.

Олег не успел ничего сообразить, как незнакомка выпорхнула из-за столика и скрылась в проеме двери. Ну не бежать же за нею, в конце концов? Тяжело вздохнув, он повернулся к Петьке:

– Ну разве это не свинство? Я ее, можно сказать, от верной смерти спас, и вот тебе – черная неблагодарность. Уехала, даже телефона не оставила…

– Неизвестно, кто кого спас, – вдруг вмешалась в разговор молчавшая до этого официантка.

– Что значит «неизвестно»? – Олег вопросительно посмотрел на Петьку. – Ну-ка, выкладывай, дорогой коллега, что тут произошло, пока я находился в коме. Прилетели марсиане и вырубили всех неофашистов?

Вместо того, чтобы ответить по существу, Петька понес какую-то чушь:

– Прости, Морозов, я вел себя, как последний подонок… Но я в самом деле не умею драться… Я так испугался, когда они стали тебя молотить… Думаю: «Олежке точно кранты!»

– Извинения прибереги для своей распрекрасной Аллочки, – перебил Олег. – Лучше соберись с мыслями и выдай мне подробную картину происшествия.

– Все случилось так быстро… – Петька на мгновение замолчал, а затем продолжил с воодушевлением: – Короче, когда эти сволочи стали тебя избивать, девчонка вернулась. Раз-два, и эти придурки оказались на полу. Она, скажу тебе, настоящий Шварценеггер в юбке. Владеет приемчиками рукопашного боя получше спецназовцев.

– Что ты несешь? – растерялся Олег. – Какие спецназовцы? Какая девчонка?

– Ну эта, которая только что на такси укатила… Представляешь, с двумя запросто справилась: у того, который тебя уложил, вывих правой, у второго – выбито два передних зуба. Когда явились охранники, вся грязная работа была уже сделана. Им оставалось только разогнать остальную шушеру… А фашистики улепетывали отсюда с космической скоростью. Только пятки сверкали. Эх, жаль, что ты этого не видел!

«Синеглазая смуглянка владеет приемами рукопашного боя? – Олег озадаченно нахмурился. – Ну и оплошал же я, когда полез ее защищать… Слава богу, что вовремя отключился. Иначе бы сгорел со стыда».

– Милицию решили не вызывать, – продолжал бубнить Петька. – Хотя на месте вашей администрации… – Он выразительно посмотрел на смущенно хихикавшую официант-

ку, – я бы засадил этих молодчиков суток на пятнадцать. За хулиганство. А то совсем распустились! Драть их некому! Скажи, Олег?

Философствовать на тему «воспитание молодежи» у Олега не было ни сил, ни желания. Гораздо больше его волновало другое – как найти девушку, из-за которой он ввязался в драку. Зачем? Ну хотя бы для того, чтобы поблагодарить… Как-никак, согласно общественному опросу, именно она спасла его от инвалидного кресла.

– Петька, как ее зовут?

– Кого?

– Ну ту, которая на такси уехала.

Петька виновато развел руками.

– Извини, друг, не подумал спросить.

– Ну ты и остолоп, – в сердцах выругался Олег. – И за что тебя твоя Аллочка любит? – Он с надеждой посмотрел на официантку: – Эта суперменша часто здесь бывает?

– Я видела ее впервые.

«День сегодня какой-то невезучий, – подумал Олег. – Решил поиграть в Робин Гуда – получил по морде. Захотел поближе познакомиться с понравившейся мне девушкой, и тут облом… И где ее искать, если я о ней ничего не знаю – ни имени, ни возраста, ни адреса».

– А зачем она тебе? – вдруг спросил Петька.

– Как зачем? Хочу получить от нее компенсацию за нанесенные побои.

– Тогда понятно…

– Ну ты и дурак, – усмехнулся Олег.

Ведь несмотря на то что все его тело ныло от побоев, а правый глаз почти ничего не видел, он был признателен синеглазой незнакомке. Ей удалось сделать то, что за последние восемь лет не удавалось никому: на какое-то время он напрочь забыл о Людмиле Заславской, главной женщине его жизни…

Глава 5

Всю ночь Седой ворочался с боку на бок, пытаясь уснуть. В пять утра, устав от напрасных усилий, резко отбросил простыню с разгоряченного тела и встал. От деревянных досок пола исходила прохлада. Ступни тут же замерзли, и Седой сунул ноги в тапочки. Странно, но именно это ощущение теплоты помогло ему избавиться от смутного беспокойства. Посвистывая, Седой прошлепал на кухню и включил чайник. Пока грелась вода, принял душ и почистил зубы. Хотел побриться, но затем передумал – плохая примета.

Сегодня он собирался поставить жирную точку в деле Заславского. Оттягивать дальше было некуда – он и так едва-едва укладывался в поставленные сроки. Да и болезнь быстро прогрессировала. Вот уже несколько дней, чтобы притупить невыносимую боль, Седой был вынужден колоть себе морфий. Это помогало лучше всяких таблеток – боль мгновенно затихала, и тело наливалось былой легкостью. Он готов был горы свернуть, потому что не чувствовал усталости. Но Седой был реалистом и прекрасно понимал, что на наркоте он долго не протянет. Слишком много людей, подсевших на эту дрянь, прошло у него перед глазами. Теперь он уже не думал о тех шальных бабках, ради которых и ввязался в эту историю. Теперь он думал об одном – как побыстрее избавить мир от мерзавца Заславского. Он воспринимал

этот заказ как подарок судьбы, надеясь таким образом расплатиться за свои прошлые грехи.

«Такие, как Заславский, не должны стоять у власти, – размышлял он, заваривая себе крепкий чай. – Особенно когда у них имеются такие помощники, как Стас… Господи, дай мне силы еще на один день. Это, конечно, грешно – просить у бога помощи для такого дела, но я просто обязан прикончить этого мерзавца. И обязательно сегодня!»

Седой вновь попытался представить себе лицо той девушки, свидетелем убийства которой он стал. Теперь он знал, что ее звали Аня и что действительно недолгое время она была домработницей в доме Заславских. Для того, чтобы добыть эту информацию, ему пришлось «переквалифицироваться» в работника АТС, проверяющего обрыв телефонной линии. Вывести жильцов дома на разговор о Заславском не составило большого труда – будущего губернатора и его супругу ненавидели все без исключения. От соседей с верхнего этажа Седой узнал многие подробности жизни звездной семейки. В частности, то, что до недавнего времени Заславские держали домработницу Анечку, которую уволили на прошлой неделе. С тех пор девушку никто не видел. По описанию Анечка очень напоминала ту самую девушку в красном, свидетелем убийства которой он стал.

Конечно, проводя это негласное расследование, Седой сильно рисковал. Не было никакой гарантии, что кто-нибудь из соседей не расскажет Заславскому про слишком любозна-

тельного мастера с телефонной станции. А тот, в свою очередь, не позвонит на АТС и не выяснит, что никакого мастера в их район не посылали. Тогда Заславский наверняка усилит охрану и станет практически недосягаемым. А в дураках останется не кто иной, как сам Седой.

Однако время показало, что паниковал зря – Заславский продолжал вести себя точно так же, как и до его рискованных мероприятий. Ровно в семь сорок пять выходил из подъезда в сопровождении охраны и садился в свой «Мерседес». Правда, теперь он стал возвращаться домой в разное время – иногда далеко за полночь. Но Седого сей факт ничуть не опечалил – операцию можно было перенести и на утро…

Сделав глоток чаю, он закрыл глаза и, откинувшись на спинку стула, еще раз прокрутил в голове план предстоящей операции:

«Я должен быть на месте не позже семи. Чтобы избежать приступа, надо уколоться в семь тридцать. Тогда в семь сорок пять я буду свеж, как огурец, только что сорванный с грядки…» Такое сравнение вызвало у Седого улыбку. Он посмотрел на часы. Пора было выходить. Прежде чем отправиться к дому Заславского, ему надо было заехать еще в одно место. Машина, на этот раз обшарпанный синий «Москвич», угнанный вчера вечером, но уже из другого гаража, ждала его у подъезда.

Допив чай одним глотком, Седой вернулся в комнату и переоделся в рабочую униформу – джинсы, майку, куртку

и кепку. Перед зеркалом примерил новые солнцезащитные очки. Очки с огромными зеркальными стеклами ему совсем не шли – делали похожим на черепаху Тортиллу. Жаль, что в старых, которые он носил почти два года, треснуло стекло. Плохая примета – надевать на дело новые вещи, но без очков, увы, не обойтись.

Перед выходом Седой проверил карманы – не завалялась ли в них какая-нибудь мелочь, по которой, в случае непредвиденных обстоятельств, его можно будет вычислить. Непредвиденных обстоятельств он надеялся избежать, но в жизни всякое случается… Привычным жестом забросив на плечо сумку со снайперской винтовкой, вышел из квартиры, аккуратно прикрыв дверь. Ключей с собой он не взял – запасные хранились у соседки-пенсионерки, и если сегодня ему будет суждено вернуться домой, сможет ими воспользоваться. Если же все пройдет по плану, сразу после убийства Заславского он сядет на ближайший самолет и улетит в Симферополь. Достать билет при нынешних ценах – не проблема. Даже в разгар сезона. Рядовые москвичи предпочитают экономить на транспорте и едут в Крым поездом. Самые необходимые вещи – зубная щетка, смена белья, электробритва – давно лежат в камере хранения.

«Вроде бы все предусмотрел, – подумал Седой, забираясь в салон „Москвича“. – Осталось забросить пакет Марату, и можно со спокойной душой отправляться на дело…» Поставил сумку на заднее сиденье, сел за руль и завел мотор.

* * *

Марат Бушков был одним из немногих людей из его прошлой жизни, с кем Седой продолжал поддерживать дружеские отношения. Они познакомились семнадцать лет назад, на районных соревнованиях по биатлону. По сравнению с Маратом, который по праву считался лидером, Седой был полным салагой, хотя и не без бойцовской хватки. В тот день выступать ему не довелось – отсидел на скамье запасных. Марату повезло больше – мало того, что занял первое место, так еще был обласкан тренером всероссийской сборной. Никто не сомневался, что не за горами тот день, когда Марату придется отстаивать честь «нашей великой и могучей» на олимпиаде.

Седой тогда ему дико завидовал. Ему хотелось во что бы то ни стало переплюнуть этого светловолосого красавчика – кумира всех женщин и своего в доску парня. В тот день, наблюдая за тем, как Марата заваливают букетами цветов, Седой дал себе зарок, что через год добьется таких же результатов. Кровь из носу, но добьется! Пожалуй, именно тогда в его жизни наступил переломный момент и он наконец-то осознал, ради чего стоит торчать в тире чуть ли не сутками. Ради таких вот дружеских объятий, поздравлений, букетов цветов и улыбок симпатичных девушек…

Через год они вновь встретились, но уже на городских со-

ревнованиях. Поставленная цель была достигнута – Марат оказался вторым. До финиша они шли, как говорится, ноздря в ноздрю, но на последнем этапе Седой поднапрягся и сработал чуть чище. Как ни странно, стоя на самой верхней ступеньке пьедестала, он не чувствовал никакого удовлетворения. Лишь безмерную усталость, и еще терзала мысль, что последний барьер пройден и теперь ему некуда стремиться. Однако вся эта история закончилась весьма оригинально – они крепко подружились. И последующие девять лет были не разлей вода. Причем эта дружба была настоящей – они никогда не завидовали успехам друг друга, а наоборот, искренне радовались, когда у кого-то из них что-то получалось. Марат, стреляный воробей, давал Седому много дельных советов как в спорте, так и в личной жизни. Он вообще щедро делился с другими своим опытом, при этом не поучая и не навязывая своего мнения. Он шел по жизни легко, веря в то, что все люди – братья. Излишняя вера в человеческую порядочность его и погубила…

Эту донельзя банальную историю потом долго обсасывали все газеты – надо же, олимпийского чемпиона посадили за изнасилование! Хотя на самом деле никакого изнасилования не было. Просто одна излишне самоуверенная девица после проведенной с Маратом ночи, не получив от него обещания жениться, пулей понеслась в милицию писать заявление. Понятно, что любовь у них происходила по обоюдному согласию – Марат никого не затаскивал в постель силой. Возмож-

но, сгоряча и пообещал подарить обручальное колечко, да чего сдуру не наболтаешь?.. К сожалению, невинная шалость окончилась для Марата весьма плачевно – его посадили на семь лет. Не помогли ни ходатайство тренера, ни письмо, написанное всей командой на имя Брежнева, ни заступничество чиновника из спортивного комитета…

Из колонии строгого режима Марат вернулся совсем другим человеком – ожесточенным циником. От прежней доброжелательности не осталось и следа. Когда Седой, узнав о его возвращении, позвонил ему и попытался навязаться в гости, то получил такой резкий от ворот поворот, что даже обиделся. Впрочем, хорошенько поразмыслив, понял, что обижаться не стоит. Как-никак, долгие семь лет Марат провел отнюдь не на курорте. Слава богу, что жив остался да еще нашел в себе мужество вернуться в родной город.

Вновь они встретились в начале девяностых, когда Седой окончательно порвал с большим спортом и ударился совсем в другой «бизнес». Встреча произошла в тире и на первый взгляд выглядела случайной. Они выпили бутылку шампанского, побазарили за жизнь и разошлись в разные стороны, пообещав не терять друг друга из поля зрения. Седой не стал делиться с Маратом своими проблемами, а Марат умолчал о своих. Хотя с первого взгляда было понятно, что на этот раз проблем у старого приятеля гораздо меньше, чем у него самого. Марат не был похож на раздавленного жизнью неудачника – добротный костюм, приличная тачка, дорогие часы.

Оно и понятно – ведь у старого приятеля теперь имелось свое, пусть небольшое, но доходное дело – спортивно-оздоровительный комплекс.

С тех пор они стали встречаться. Не часто, но с завидной периодичностью. Распивали пару бутылочек марочного вина и вспоминали о прошлом. Марат ни разу не пытался узнать, как Седой зарабатывает на жизнь, и тот был благодарен ему за это. Хотя не сомневался, что Марат с его проницательностью и умением анализировать факты догадывается о его роде занятий. Однако молчит, ни о чем не спрашивает, но, похоже, и не осуждает. Именно поэтому, решая, куда девать кассету с компроматом, Седой сразу подумал о Марате. Нет, он не собирался посвящать друга в грязные подробности этой истории. Он просто хотел оставить у него на хранение «взрывную» кассету и кое-какие личные вещи, потому что хранить их в квартире было небезопасно. Кто знает, чем может закончиться его рискованное мероприятие?..

Подъезжая к дому, где жил Марат, Седой на всякий случай проверился – нет ли за ним «хвоста». Не было, и это немного его успокоило. Он припарковал «Москвич» у подъезда и, прихватив с собой небольшой сверток, вышел из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.